

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Наши сокурсники отработали в геологии по несколько десятков лет - кто больше, кто меньше - некоторые работают и сейчас. Мы все ветераны труда. Многие награждены орденами и медалями. У нас за спиной открытые месторождения, изобретения, различные геологические, геохимические и геофизические исследования, геологические карты –основа поиска -- и огромное количество опубликованных научных трудов обо всём этом. Но здесь мы хотим вспомнить о той стороне нашей жизни, которую не принято отражать в научных трудах.

ПОЛЕ

Специфика работы геолога – это поле. Бесконечно тяжелое, безмерно разнообразное в своей рискованности для хрупкой жизни человека!

Но каждую весну, как только солнышко начнет отможивать Землю и чуть зазеленеют купы деревьев, начинается сезонное обострение застарелой болезни.

Так. Рюкзак - на антресолях. Молоток? Ручку надо укрепить. Спальный мешок, помнится, прожжен в ногах. И т.д. и т.п. У тебя еще нет командировочного удостоверения, но ты внутренне собран, потому что живешь в состоянии готовности выехать в поле прямо сейчас.

Поле для настоящего геолога -- это наркотик. Кажется, не выживешь, если опять не увидишь эту каменистую полупустыню Казахстана, с её бескрайними просторами и необыкновенно разнообразным по цвету небом; не вернешься к суровым, безжалостным и величественным вул-

канам Камчатки, которым потряхнуть тебя в любую смертельную трещину -- что глазом моргнуть; не увидишь мимолетного цветения тундры – неделю, две – не больше, а потом снега, снега и вьюга! Как жить, не видя непролазной тайги с её цветущими полянами, – одни жарки чего стоят! -- без прозрачных таинственных озер и быстрых говорливых рек, без этих восходов и закатов наедине с Солнцем и Первозданным Миром?! А ночёвки в палатках, когда «на проёме окна нарисована луна»?!

В полях наше сердце, наша вечная, потаённая любовь, понятная посвященным!

Но о ней мы молчим, а рассказываем...

АВЕРИНА М.В.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На Новую Землю я попала в 1954г. студенткой III курса. Партия поисково-разведочная на пьезокварц, гл. геолог Л.С.Пузанов, нач. партии Игорь Романович.

До Архангельска ехали поездом, далее шли морем. Архангельск меня поразил деревянными мостовыми и какой-то необыкновенной изогнутой формой драночных крыш домов, а также длиннющей, целиком от крыши до тротуаров и мостовых деревянной улицей Павлина Виноградова.

Погрузка на зафрахтованное экспедицией судно шла долго. Наконец, в середине июня вышли в море. Белое море было серое, временами какое-то буроватое, а как только прошли так называемое «горло» и вышли в Баренцево, нас поразила бирюзовая морская гладь и необыкновенная прозрачность воды. Через несколько часов начало штормить. Сначала пошли барашки, потом волны стали все выше и страшнее, и уже заливали палубу и нас, торчавших на ней вопреки всем запретам. Однако, когда шторм превысил 7 баллов, нас загнали в каюты, и, кроме качки, мы уже ничего не ощущали. Через двое суток подошли к Новой Земле.

Горы на Новой Земле невысоки – до 800 метров, голы – никаких деревьев и кустарников. Кое-где на побережье и среди громадных глыб в курумниках можно увидеть карликовые ивы высотой 10–15 см и толщиной около спички, а на открытых местах – подушки камнеломок и полярные маки.

База нашей экспедиции была на западном берегу южного о-ва около входа в пролив Маточкин Шар. На базе зимовало несколько человек (радисты, прорабы, медсестра), так что мы попали в обжитые балки, в которых с утра до ночи крутили пластинки с Петром Лещенко, Вертинским и Коциным. Всё это было внове, интересно и немного дико.

На западных берегах о-вов располагались знаменитые птичьи базары. Наши мужчины ходили на катере к этим местам и набирали яйца. Привозили и кайр. Готовить и есть кайру – это я вам скажу... Нужно было содрать с нее шкуру и счистить весь жир. Именно содрать шкуру, а не ощипать. Варили мы эту птицу подальше от палаток и балков, да с подветренной стороны, чтобы не задушить весь поселок. Из яиц (одно яйцо раз в шесть больше куриного) жарили яичницу (она рыбой не воняла), но белок при жаренье не белел, а как бы стекленел и оставался прозрачным.

Наконец нашу партию на катерах доставили по проливу Маточкин Шар к месту назначения – на южный о-в к устью р. Водопадный. Партия поисково-разведочная состояла из начальника, двух прорабов, двух коллекторов, поварих и 40–45 человек рабочих. Почти все они только что вышли из заключения по амнистии. Женщин было три: две с мужьями и я. В связи с этим у начальника возникла проблема – куда меня поселить. В конце концов меня поселили в балок нач. партии.

Величие голых или покрытых снегом гор завораживало. А в начале июля всюду расцвели малиновые камнеломки и полярные маки белого и желтого цвета. Но живности было мало. В тот год почему-то ушли с острова все лемминги, а за ними и песцы (быть может, они заранее почувствовали грядущие там страшные испытания?). Белых

медведей слышали мы нередко, но я видела их всего раза три. Один раз ужасно испугалась. Была я в маршруте одна. Поднялась в горы метров на 400–500 и попала в зону сплошных облаков. Видимость ничтожная, всё колыхается, кажется, что все снежники на склонах шевелятся. И тут я слышу рёв белого медведя. Кажется, что он рядом. Озираюсь, понимая, что спрятаться некуда, а он ревет опять и опять. Вдруг в облаках появилось окно, и в нем я увидела этого великолепного красавца. Он шел аж по другому берегу пролива Маточкин Шар километрах в двух от меня.

Самыми любопытными и доброжелательными были нерпы, которые вплотную подплывали к нашему причалу, крутили головами и выскакивали из воды по «пояс», чтобы лучше нас рассмотреть.

На разведочные участки мы ходили через «ручей», который на самом деле был довольно мощной рекой, перейти которую вброд можно было только в одном месте, метрах в двухстах от водопадов. И тут на нас постоянно нападали пара буревестников (их гнездо было неподалеку), они пикировали на нас непрерывно. Хорошо, что мы весь сезон ходили в ушанках.

А однажды в маршруте в замечательный редкий безветренный день я так увлеклась какими-то интересными выходами пород, что забыла про время совсем. Посмотрела на часы – без 15 минут 12, т.е., практически полночь (а солнышко-то светит). Я представила себе, какой мне будет нагоняй в лагере и бегом домой. Влезла на последний перевальчик и вижу что-то странное – два столба дыма на берегу нашего ручья, который в этом месте течет в 20-метровом каньоне. Подхожу ближе и вижу, что это мои начальники стоят, курят и сосредоточенно смотрят с обрыва вниз, в бурные воды. Ждут, видимо, когда поток принесет мое тело. Переволновались они так, что меня даже и не ругали, но пускать одну в маршруты перестали.

О Новой Земле мне всегда напоминает кварцевая друза, собственноручно извлеченная мной из вечной мерзлоты.

АРСАНОВ А.С.

БИБЛЕЙСКАЯ СКАЗКА

повесть

*Моим друзьям
в знак искренней дружбы*

Сопки медленно погружались в ночь. Уже исчезли в туманном полумраке их мшистые подножья. В помертвевшем воздухе яснее слышалось бормотание ручьев. Огромный Таткара-Тунуп обмывал в последних отблесках багрового заката морщинистую вершину. Он, как капитан, последний покидал тонущий за горизонтом день.

Спустя еще полчаса пилот запоздалого самолета увидел, как в темноте, скрывшей очертания долин и скалистых отрогов, вспыхнула красноватая звезда. Как будто старик Альдебаран, прервав свой обычный ночной обход небес, устало опустился на Землю. И, как пилот не знал, почему в этот тоскливый час его собрат там внизу послал в небо скромный знак своего существования, так и человек, заночевавший в сердце гор Эмусея, не знал, куда плывут над его головой спокойный рокот и цветные огни.

-- Слева красный, справа зеленый. Видно сквозной...на Петропавловск...

-- подумал человек и высморкавшись, вытер пальцы о пышные кружева ягеля.

Стоя перед костром на коленях и наклонив к свету плоский котелок, он выгребал ложкой прикипевшую к стенкам корочку холодной каши -- остатки далекого, как воспоминание, завтрака. Впереди еще лежали сто километров тундры, заросшие кедровым стлаником склоны, скользкие бурливые броды...Три -- четыре дня!

В животе голод нудно натягивал какую-то жи-лу...Человек подбросил на ладони мешочек, в котором свободно переливалась шуршавшая гречка.

– Килограмм...не больше...Об ужинах надо забыть!

Понятие о еде, о пище приобретало несколько иной, чем обычно смысл. Человек по опыту знал, что, утолив голод на ночь, всё равно захочешь есть утром. И если потакать во всем своему жадному желудку, то завтра вечером поужинаешь в последний раз. Тогда сразу отодвинется конечная цель пути, начнет захлёбываться на подъемах сердце и равнодушная рука слабости вдвое и втрое растянет безлюдные километры.

Он опустил к ручью и помыл котелок. На ночь он выпьет крепкого чая! Чаю у него было много... – целая плитка!

Потом он спал у огня, повернувшись к нему спиной и заложив за спину на поясницу голую ладонь. Если огонь разгорится -- боль в ладони его разбудит и предупредит об опасности. Под головой -- вывернутая с корнем кочка. Ноги, закутанные в высушенные до хруста портянки, спрятаны в рюкзак. Длинные резиновые сапоги с белыми крестиками заплат из лейкопластыря висят в кустах, подалее от костра. Дороже собственного тела была для него сейчас эта дешевая резина...

Горы Эмусевя безмолвно столпились вокруг спящего. Вот и еще один бредет куда-то, чего-то хочет, чего-то добивается! Сколько их маленьких пропало здесь за последнюю тысячу лет! Горы не возмущались, не строили во тьме козней...Сегодня будет тихая, хрустящая изморось, глубокая и черная, как недра Вселенной, ночь. Так решила природа... Но случись что -- горы не спустят пониже перевалы, не останоят услужливо бег отчаянных рек, не расчистят глыбовые развалы на сопках. Полагайся на себя, человек!

Часам к двум следующего дня серые клочья скрыли сначала солнце, а потом и вершины сопок. Задул порывистый ветер. Он приятно сушил потное лицо, лез ледяными

пальцами за ворот в ложбинку между лопатками и предвещал ненастье. Снег это будет или холодный дождь -- человек не знал, но будет. Надо было спокойно подумать.

Перебираясь через пойму небольшого ручья, он заметил сухой куст стланика, валявшейся на галечной косе. Видно весенняя вода, ослабев, бросила здесь свою добычу. С бездумной непринужденностью, с какой человек, бывало, зажигал горелку газовой плиты, он разжег теперь костер.

– Сегодня ночью без пожара будет кисло! – объявил он помятому котелку, равнодушно висевшему над огнем. – Ох, кисло.. .кисло...- продолжал бормотать человек, вытаскивая из-за пазухи помятую и волглую от пота карту. Он изучал её, выбирая дорогу по прямой и так, чтобы не очень болотисто.

Ветер выдувал из-под котелка пламя, швырял на колени жухлую листву. Скелеты ивняков испуганно раскачивались. В стуже их голых ветвей человеку слышалось: "Беги!...Беги, несчастный!"

Восемьдесят километров...Человек ткнул пальцем в налитое усталостью бедро. Натруженная мышца не расслаблялась. Её закаменевшее тело жалко дрожало.

– На таких ходулях далеко не убежишь!

Человек понимал, что было бы безрассудством противопоставить надвигающемуся холоду и огромному безлюдному пространству свои небольшие силы. А тело и душа его рвались именно к этому – идти и идти, как можно скорее, идти, несмотря ни на что! Если откажут ноги -- можно ползти! Казалось, если очень захочешь, уже вечером будешь на месте, среди людей

– Ну, ну! Спокойно, – обратился он к самому себе, чувствуя затылком близкое присутствие паники. Он умышленно медленно стянул сапоги и, не торопясь, обстоятельно просушил портянки.

– Так или иначе, а долину Каванея нужно пересечь одним духом....

Долина, шириной километров двадцать, была наполнена хлюпающими под ногой трясины. В центре её гигантскими муравейниками торчали торфяные бугры. Извилистые кюлы... Их надо переходить с хода, если придется -- по пояс, по грудь в черной, пахнущей тиной воде, не отыскивая часами удобный брод. Дров там не будет, а заночевать мокрым, не выбравшись на другой берег Каванея... в такую погоду...

Человек должен был выйти на край болот часа через полтора -- два. До темноты останется ещё часа три...

Нет! Он не успеет засветло пересечь эту гнусную и с виду такую гладкую равнину! Вчера вечером он видел её с водораздела. Ярко-желтая!

– Как жнивье дома...на материке...-- подумал он тогда. За "жнивьем" огромными лестницами громоздились плосковершинные горы Каванея.

Человек встал, чтобы заварить чай, и почувствовал, как в голове сладко зашумело. На несколько секунд наступила темнота. Потом снова стало светло.

– Как будто туннель проскочил.... – усмехнулся он.

Он пил чай и думал, стараясь не допустить в ряд своих рассуждений чувство нарастающей тревоги. Он загонял поглубже внутрь собственные опасения.

На основе имеющихся данных с объективностью ЭВМ требуется найти оптимальный режим дальнейшего движения. Он принял во внимание всё. Две неполные кружки крупы, оставшиеся восемьдесят километров, надвигающуюся непогоду (будет снег – и это худший вариант!), усталость, явные признаки голодной слабости. Ограничил себя условием -- не ночевать на болотистой тундре в долине Каванея, где нечем прокормить в течение ночи костер. Силы должны тратиться только на ходьбу. Минимум – на заготовку дров. По ту сторону Каванея в обрывах речек будут встречаться пласты бурого угля. Там будет не страшен холод, но останется ли у него пища? Да! Среди трясин он наверняка встретит уцелевшую морошку! Голубика уже осы-

палась... И еще – кедрач... шишки... Почти всё время, пока человек бодрствовал, на ходу и у костров он грыз мелкие орешки, языком выковыривая из жестких скорлупок маслянистые ядрышки. Язык болел и удовольствие от этого вкусного развлечения человек уже не получал, но сейчас это стало не развлечением, а делом.

Впереди, где сопки расступались, и куда ему надо было идти, уже повисли хлёткие косы далёкого дождя.

– А может и снега!

И раньше случалось, что из таких вот низких и очень темных туч, отливающих зловещей синевой, рождался тяжелый, мокрый снег. Но в прошлые годы это случалось на неделю -- другую позже. Да и всё остальное было тогда иначе. Кукуль... мясо... товарищи...

– Кедрач -- человек, чай – человек, кукуль – человек, – вспомнил он ходившую в их среде присказку. Вспомнил острый запах линючей оленьей шкуры, тепло нутра спального мешка : в рост, даже больше.

Первый заряд снежной крупы часто пробарабанил по спине. Белые шарики запрыгали среди булыжников и пропали – провалились в щели, растаяли.

– Ну, вот... манна небесная! Ладно, собирайся, чумазый!

Он выкинул из котелка густую массу спитого чая. Мозг выработал решение: идти дальше и подыскивать по ходу удобное для пожога место. Это должен быть сухой, лучше галечный грунт, где-нибудь на косе, повыше, на уровне весеннего паводка, чтобы не достала поднимающаяся с дождем вода. И чтобы рядом – дрова... Много дров. Лучше всего сухая ольха... или кедрач.

Он нашел такое место. Разложил пожог -- огромный костер. До темноты таскал дрова. Подбирал с косы плавник, собирал сухие ольховины. Как медведь, ворочался в кедраче, выламывая нижние отмершие ветки.

Дождь то моросил, то прекращался. Еще пару раз врезала колючая снежная сечка. В конце концов, когда холод-

ные струи наполнили непрерывным шумом окружающие кусты, он разбросал шипящие головешки, затоптал, засыпал песком (заранее заготовил изрядную кучу) мелкие угольки. А на место прежнего пекла поставил положок – березовую палаточку без двери с окошком, затянутым черным тюлем. Летом он спасался в таких положках от комаров...

Было жарко. Послушав, как переливается в пустом желудке чай, человек заснул. Отдельные тяжелые капли пробивали легонький материалец и моросью оседали на спутанных волосах. В положке висел банный туман.

Ночью человек проснулся, обжегши зарывшийся в землю палец. Дробный перестук на крыше сменился шорохом – на улице валил снег. В положке стало легче дышать и, пока нагретая его трудом земля отдавала тепло, он спал... спал... спал...

Утром он глянул в окошко.

– Беги!...Беги!...Безумец! – кричали ему засыпанные по горло снегом тощие, давно пожелтевшие стебли вейника. Сами они были обречены. Снег всё валил и человек уже не видел даже противоположный берег реки. Со сна пересох рот. Очень хотелось есть.

– Хоть бы суслика задавить... – Он с натугой сплюнул тягучую, вязкую слюну. С равным успехом он мог бы мечтать сейчас об обеде в "Варшаве". Семьдесят пять километров... Из них сорок – до угля! Их за день не пройти – по трясинам, ослабевшему, против ветра и мокрого снега... Даже Брумель не прыгнет на три метра. Хотя бы и под страхом смерти. Надо ждать... Надо ждать...

И он ждал. Лежал скрюченным в положке и щелкал, щелкал кедровые орешки. Только ядрышки он выковыривал теперь не языком, а желтыми, с каемкой грязного траура, ногтями. Языком он будет работать на ходу!

Трижды за прошедшие два дня и две ночи он подновлял полог. И трижды хватался за мешочек с гречкой. Один раз даже запустил в него руку и вынул горсть темной тяжелой крупы. Он заставил себя разжать пальцы и крупа утек-

ла обратно на место. Одно зернышко прилипло к вспотевшей от напряжения коже между средним и безымянным пальцами. Он сделал вид, что не заметил этого. Но сжал пальцы и следил, чтобы зерно не выпало. Спустя минут пять он, как бы удивившись, нашел его и медленно размял зубами, нашептывая:

– Не иду – не жую! Не иду – не жую!

Миллионы лет предыдущей эволюции неистовствовали в нем! Они требовали бросить всё, немедленно набить брюхо и бежать! Бежать подальше от опасности, от этой жалкой берлоги, которая уже сейчас напоминала могильный холмик! Но пока шел снег, он продолжал лежать, спрягая вслух на все лады:

– Не иду – не жую...

– Не идешь – не жуешь...

– Не идем – не жуем....

– Не бежим – не едим...

– Не бегу – не..... Рифма не получалась.

– Не летаем – не глотаем. Он проверил – эта рифма спрягалась во всех лицах.

На следующее утро он омыл руку в солнечном луче, пронзившем наискось тесное пространство полочка.

А еще через два дня он стоял на высоком перевале.

– Ну вот! Вари борщ, Семёныч! – прошептал он почти беззвучно.

Внизу толпились белые палатки базы и бродила одинокая муравьиная фигурка завхоза. Справа уходили к розовому небу базальтовые столбы Каваней-Тунупа. Человек оглянулся и потом еще долго смотрел назад в глубины пройденного пути. В грандиозной панораме не было ни одной детали, говорящей о присутствии других людей. Первый снег повсюду стоял. Только видневшийся на горизонте Таткара-Тунуп уже не снял белую шапку.

– Форма летняя, парадная!

Шутилось легко. Озабоченность исчезла из глаз, не испортила улыбку. Странное чувство нисходило на худого,

перепачканного и усталого человека. Вероятно нечто сходное испытал в своё время мальчишка-пастух, стоя над распростертым Голиафом. Это не могло быть спесивым торжеством победителя! Скорее Давид удивился. А может быть заплакал. Или длинно и грязно выругался, стараясь унять противную дрожь в коленках.

БАГОН А.Ю.

ИЗ ПОЛЕВОЙ ЖИЗНИ

Расскажу о двух забавных случаях, связанных так или иначе с рваной одеждой.

Первый произошел еще в студенческую пору во время производственной практики, которую я проходила в одной из партий «Гидротреста». Было это на Украине, в Николаевской обл. Жаркое лето подходило к концу и горячее солнце уже изрядно пожгло нашу одежду. Мой единственный сарафан медленно, но верно расползался на полоски, и, чтобы как-то затормозить этот процесс, я регулярно с изнанки подшивала куски марли. В результате к тому дню, о котором пойдет речь, сарафан представлял из себя нечто нелепое, состоящее из кусков марли с нашитыми на них ключьями цветного шёлка. Кроме него, на мне была драная соломенная шляпа, стоптанные босоножки, за спиной – рюкзак, на плече – полевая сумка, на поясе – компас, на шее – бинокль и в руке – молоток. Моя спутница, студентка из Днепропетровска, выглядела не менее живописно.

В таком виде мы вошли в большое село, где должны были обследовать колодцы и отобрать из них пробы воды. Мы спокойно занялись своим делом, но уже через несколько минут около нас стали собираться любопытные, которые с недоверием и опаской наблюдали за нами. Число их быстро увеличивалось, и вскоре вокруг нас собралась внушительная толпа возбужденных людей, требовавших объяснить, «зачем мы травим их колодцы». Наши попытки оправдаться ни к чему не приводили. Неожиданно одна из

женщин, указывая на нас пальцем, воскликнула: «Люди добры, гляньте, як воны водэты! То ж не иначе шпионки. Ведите их до председателя». И мы в сопровождении толпы были доставлены в сельсовет. Документов с собой у нас не было, за исключением справки с печатью, в которой заключалась просьба к местным властям оказывать нам содействие в работе. Но ни эта бумага, ни наши объяснения успеха не имели. Видимо, наш вид был красноречивее всяких слов и справок. Председатель принялся звонить в город, требуя, чтобы прислали машину и непременно с конвоем «для сопровождения двух задержанных женского пола, подозреваемых в шпионаже». Звонил он долго и упорно, и неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы на наше счастье все машины не были бы заняты на уборочной. В конце концов председатель нас отпустил, оставив у себя в залог нашу бумагу и заручившись обещанием вернуться за ней вместе с начальством. Конечно же, никто и никогда к нему не вернулся, так что думаю, бедолага еще долго кусал себе локти, будучи уверенным, что упустил столь опасных преступниц.

Ещё об одном памятном маршруте. В то время я работала в 4-м ГУ и в составе одной из партий занималась комплексным картированием на Южном Сахалине в районе Сусунайского хр. Нас было трое: я, Анна, студентка МГРИ, и Колька Зуб Золотой, бывший зек, который нанялся на лето к нам в партию рабочим.

Нас высадили на берегу р. Найбы, где стояло несколько домиков, а с противоположного берега в Найбу впадал ее правый приток Сейм. Именно по нему и проходил наш маршрут.

Найба – типичная горная река с мощным течением, и хотя глубина ее в этом месте едва доходила до колен, перейти ее можно было, только держась за трос, перекинутый с берега на берег. Долина Сейма была узкой и мрачной с крутыми, почти отвесными склонами. Сам Сейм представлял собой неглубокий, но стремительный поток. По пойме

среди высокотравья шла еле заметная тропа, которая вела, как потом выяснилось, к небольшой полянке, засаженной маком. Нам надо было пройти вверх по долине до заданной точки, поставить там палатку и затем сделать несколько петель по обе стороны долины. По тропе мы двигались довольно быстро. Первое препятствие появилось, когда обрывистый берег подошел вплотную к реке. Через реку кем-то было переброшено поваленное дерево, по которому Анна и Коляка быстро перешли на другую сторону, а вот я застряла, так как совершенно не переношу высоту. Ступив на дерево, я сделала несколько шагов, отчаянно балансируя, и благополучно свалилась в поток, который тут же потащил меня, больно ударяя о камни. Не знаю, сколько бы я так кувыркалась, если бы не Коляка. Он успел схватить меня за рюкзак и выдернул на берег. Больше в тот день происшествий не было.

Мы добрались до заданного пункта, поставили палатку и на следующее утро, уже налегке, начали отрабатывать свои петли. Первая же петля преподнесла нам сюрприз. Когда мы поднялись по распадку к водоразделу, оказалось, что весь он покрыт зарослями курильского бамбука. Перед нами стояла стена желтого цвета, состоящая из тонких, очень крепких и гибких прутьев высотой до 2 – 2,5 метров. Ни сорвать, ни выдернуть такой прутик невозможно. Чтобы сделать шаг, надо было сначала двумя руками раздвинуть и разложить побеги перед собой влево и вправо. Делать это надо очень аккуратно, иначе непременно зацепишься ногой и упадешь. Так медленно, шаг за шагом, мы прочертили путь к вершине. Зато спуск был просто восхитительным. Повернувшись спиной к спуску, мы ухватились за пучки бамбука и, быстро перебирая руками, буквально скатились вниз, словно по канату.

Следующая вершина такой радости нам не доставила. Она была сплошь покрыта кедровым стланником. Его корявые изогнутые ветви крепко, словно змеи, переплетаясь друг с другом, образовали непроходимую чащу, которая

сплошным панцирем покрывала всю гору. Все наши усилия продрасть сквозь эти заросли были безуспешными. Мы пробовали даже двигаться не по земле, а по тугим веткам, которые, сплетаясь, образовывали что-то вроде ярусов, но это тоже не помогло. Через каждые два-три шага мы непременно срывались и проваливались вниз, оставляя на ветвях клочья своей одежды. Нам пришлось позорно отступить.

Но на этом наши злоключения не кончились. Когда на следующий день мы поднялись на очередную гору, нас неожиданно накрыло густым облаком, из которого поил холодный дождь. Поднялся ветер. В белом, как молоко, тумане мы не видели ничего дальше вытянутой руки. У нас было одно желание: поскорее покинуть вершину, чтобы укрыться от пронизывающего ветра. Мы буквально свалились в какую-то долину и стали по ней спускаться, однако, скоро выяснилось, что мы попали не туда. Двигаться дальше было бессмысленно. Приближался вечер, темнело, лил непрерывный дождь. У нас не было ни палатки, ни сухой одежды, ни еды. Был только коробок спичек. С большим трудом мы развели жалкое подобие костра и всю ночь, как могли, поддерживали огонь. Стараясь хоть немного согреться, мы вплотную прижимались к костру, отчего наша одежда шипела и дымилась, покрываясь ржавыми пятнами и дырами. Чуть рассвело, мы двинулись на поиски своей палатки. Нам пришлось карабкаться вверх по крутому склону, цепляясь за выступы скал и небольшие деревца. И тут, вдохновленные нашей беспомощностью, на нас напали полчища мошек, которые впивались в глаза, уши, нос, губы, а мы не имели возможности хоть как-то защититься. В конце концов с горем пополам мы все-таки добрались до своей палатки. Наутро мы не сразу поняли, что произошло. Открываем глаза, но ничего не видим. Оказалось, что от укусов мошек наши лица превратились в бесформенные красные маски с щелками вместо глаз.

Пора было возвращаться. От дождя Сейм вздулся и превратился в мутный ревущий поток, поэтому, когда мы дошли до того самого поваленного дерева, я уже не рискнула ступить на него ногами, а села на заднюю точку и так переползла на другой берег, оставив на бревне добрую половину своих брюк. Еще страшнее выглядела Найба, вода в которой поднялась до уровня груди и с ревом неслась мимо нас. Но тут был спасительный трос, держась за который Колька и Анна перебрались через реку, а я, как всегда, застряла на середине. В какой-то момент я почувствовала, что, если оторву от дна одну ногу, чтобы сделать очередной шаг, то на другой я не удержусь и останусь болтаться на одних лишь руках. Тогда вылавливать меня придется где-нибудь в Татарском проливе. Спас меня всё тот же Колька. Вернувшись ко мне по тросу, он снял с меня рюкзак, обхватил мощной рукой и помог добраться до берега. Только теперь мы вздохнули с облегчением.

Тут мы увидели во дворе одного из домов мужчину, стоящего к нам спиной. Мы приблизились к ограде и окликнули его. Каково же было наше изумление, когда мужчина, обернувшись, вдруг бросился наутёк, перемахнув через стоявший сзади забор. Мы с удивлением посмотрели друг на друга и расхохотались. На дороге стояли три оборванца непонятно какого пола, с которых свисали мокрые лохмотья. Сквозь огромные прорехи проглядывали клочья прожженного нижнего белья и не всегда приличные части тела. Вместо лиц были ужасные маски без глаз, с огромными распухшими губами, носами и ушами. Сверкал только Колькин золотой зуб. Было отчего испугаться. На наш смех открылась еще пара дверей, но тут же захлопнулась. А мы еще долго смеялись, шагая по дороге.

Через несколько часов, когда мы уже были в своем лагере, мы с большим удовольствием швырнули свои лохмотья с высокого берега прямо в Найбу.

ВЛАДИМИРОВ А.С.

**15 ЛЕТ В САХАЛИНСКОЙ ТАЙГЕ
(1956-1971)**

1956 год – год оптимизма, а для меня, автора этих строк – год завершения учебы на Геологическом ф-те Московского университета. Наш наставник и шеф, авторитетнейший геолог-нефтяник страны, зав. каф. геологии и геохимии горючих ископаемых Игнатий Иосифович Брод рекомендовал мне поехать в Сахалинское отделение ВНИГРИ. Эта организация, после образования ее в марте 1948г., возглавила научные разработки по нефтегазо-поисковым делам в Дальневосточном регионе, а главным образом – на о. Сахалин. К 1956г. Отделение представляло собой авторитетную организацию, в которую Ленинградский ВНИГРИ делегировал много квалифицированных ученых. Возглавлял Отделение опытный организатор к.г.-м.н. В.Д.Козырев. Главным геологом Отделения был д.г.-м.н. С.Н.Алексеичик, проводивший до этого геологические исследования во многих регионах Союза. Отделение было оснащено современной, по тому времени, лабораторной базой: в составе ее были петрографическая, палинологическая, микрофаунистическая, люминесцентно-битуминологическая и другие лаборатории. Для усиления теоретических работ по геологии нефти и газа в Отделение был командирован д.г.-м.н. проф. Н.Б.Вассоевич.

На первом этапе (1946–1956г.) основной задачей Отделения являлось картирование в масштабе 1:100000 слабо изученных и неизученных районов Сахалина. В последующие годы (1956–1965г.) Отделением, наряду с фундаментальными работами по стратиграфии, тектонике и нефтегазоносности, проводилась детализация отдельных перспективных площадей.

Прибыв в августе 1956г. в г. Чехов на Южном Сахалине, где в это время размещалось СО ВНИГРИ, я был направлен в Катангли, где была арендована база геологораз-

ведочного отряда Т.В.Туренко, работавшего в Имчинской тайге на западном берегу Набильского залива. В отряд я добирался вначале поездом по узкоколейке, затем на встретившей меня лодке с подвесным мотором по неспокойному Набильскому заливу. Площадь относилась к числу полностью «закрытых». Для картирования применялись шурфы – колодцы сечением 0,9–1,1 м X 0,7–0,8 м и глубиной от 3 до 6 м.. Как правило шурф проходил одним рабочим с помощью специальной полусовковой лопаты (особенно ценились лопаты японского производства), кайла и (реже) лома. Крепление стенок шурфов обычно не производилось. В низких местах шурфы быстро обводнялись, на стенках появлялась глинистая слизистая плёнка, а на забое – вода или глинистый раствор. Спина и руки становятся мокрыми и грязными, ноги до колен и выше находятся в глинистой жиже. И в этих условиях надо описать разрез шурфа, суметь замерить элементы залегания, зарисовать структуру, видимую на стенках. В грязной одежде, мокрый до колен, а часто и до пояса, геолог должен работать в шурфах все светлое время суток до самых заморозков и снега. Это относилось и к рабочим-шурфовщикам. К факторам, снижающим работоспособность, следует отнести и массу комаров, а, главным образом, мошки, которая при обычном отсутствии в тайге ветра создавали несносные условия для работы.

Я безмерно благодарен Т.В. и И.А.Туренко, выпускникам Ленинградского горного ин-та, за науку, за поддержку, за богатую практику, которую я получил в Имчинской тайге.

А быт отряда был очень простым. Несколько шестиместных палаток, нары из еловых слег, застеленных хвоей, спальные ватные мешки, баулы, несколько вьючных ящиков. Костер, рогульки для подвески котелков, стол и скамейки из слег – это было место для обеда и отдыха. Питание составляли супы, каши, макароны, немного жиров и солдатской тушенки. Иногда обеды сдабривались диким луком, черемшой, чёрной ягодой и морошкой, в изобилии росшими

на марях (болотистых зарослях карликовой березки). И по потребности крепкий чай, иногда, в связи со сложностями доставки, без сахара. Иногда был хлеб, но чаще его заменяли черные сухари.

Молодость коллектива превозмогла все трудности, строение Имчинской структуры было детализовано, она стала считаться перспективным объектом для нефтегазопроисковых работ. Впоследствии на этой площади было открыто Прибрежное газовое м-ние.

В 1959–1960 годах в связи с необходимостью разработки детальной стратиграфической схемы нефтегазозонного района и началом работ на Сахалинском шельфе была выдвинута задача подробного исследования верхов окобыкайской и всей нутовской свит на Паромайской антиклинальной зоне и по р. Дагу. Для решения этих вопросов был организован отряд, который предложили возглавить мне. В июне 1961г. отряд в составе геолога (он же начальник) А.С.Владимирова, И.Я.Екимова – инженера, В.Г.Дубовицкого – техника-геолога, 6 рабочих-шурфовщиков и повара поездом по узкоколейке выехал на станцию Даги, к месту полевых работ. В этот раз в качестве шурфовщиков было нанято несколько случайных людей, которые позарились на «большую деньгу», причем часть из них с хорошим тюремным стажем. К поезду они пришли «тёпленькими», так как получили аванс – небольшую сумму на покупку вещей в дорогу. В поезде было весело: один из «кадров» взял с собой гармошку. Стемнело, но «веселье» продолжалось и перешло в легкий мордобой с другими пассажирами. «Шурфовщики» образовали круговую оборону и отбились. Начальник еле-еле восстановил порядок. Но на станции Паромай все изменилось. Здесь под звуки бравурных частушек мои «кадры» послали меня подальше и гордо удалились на поиски магазина. Только один из них – Шашков, отбывший 15 лет «строгого режима», не двинулся с места. Поезд отправился дальше и утром мы были на станции Даги. Быстро выгрузили имущество отряда и продукты, поста-

вили палатки. Что же делать дальше? Ехать в Оху и набирать новых рабочих? Решили денек подождать, а работу по изучению верхов плиоцена – самых молодых осадков – начинать завтра. Расчет оказался правильным: на вторые сутки в ночи раздались звуки гармошки... все ближе и ближе... и вот моя «братия» за 65 км. «пёхом» прибыла в лагерь со словами извинения -- «по пьянке черт попутал». На первый случай они были прощены. Кстати, летом большинство из них работало хорошо. Но «зэк» есть «зэк» – у них выработались свои понятия и законы.

Вот уже размечена первая шурфовочная линия. Первые впечатления, первые записи, первые образцы...

Гости к нам нечасто, но приходили. Это и орочёны, разыскивающие свои стада оленей, и геологи с Юж. Сахалина, желающие взглянуть на «классический» разрез. А по ночам нашу яму с отходами (она была в некотором отдалении) посещали мишки, со звоном перебиравшие пустые консервные банки.

Кстати сказать, что на этой шурфовочной линии нами впервые была намечена Восточно-Дагинская антиклиналь, на которой впоследствии было открыто нефтегазовое месторождение.

ВЛАСОВА Е.В.

АЛДАН

(Из книги «Домашний альбом» с сокращением)

Летом 1957г. я должна была отправиться в свою первую «настоящую» экспедицию — в Сибирь, на Алдан. Этому предшествовал ряд событий. Окончив в 1956г. с отличием кафедру геохимии МГУ и «гордо» отказавшись от аспирантуры на кафедре или в ГЕОХИ (я посчитала для себя унижением иметь руководителем акад. Виноградова, полагая его в какой-то мере виновным в аресте и гибели папы), я была распределена в ЛАМГРЭ, где директором был мой однофамилец Кузьма Алексеевич Власов, пегма-

титчик и неплохой организатор. Но у «Кузьмы» был свой пункт — он считал, что людей надо почаще перетасовывать и, если кто занимался, к примеру, гранитами — переводил в осадочные и наоборот. Поэтому меня, у которой диплом был по редким щелочам в осадочных породах и солях Индера (и даже, как это было сказано на защите, тянул на кандидатскую), он сунул на составление сводки по цирконию в щелочных породах Союза. Работа была библиотечно-фондовая, тоска зеленая, рвения особого я не проявляла, и мой шеф, Игорь Тихоненков, с радостью расстался со мной, передав меня во вновь организованную лаб. аксессуарных минералов под руководством В.В.Ляховича по прозвищу «Пан», бывшего военного разведчика, лихо взявшегося за дело. И оказалась я в сугубо мужской компании одна девица, что меня, впрочем, нисколько не смущало, так как в годы учебы я всегда была «своим парнем», курить и пить чистый спирт умела, от скабрёзных анекдотов не краснела, но и близко не подпускала. Обитали мы в подвальчике двухэтажного домика в Бабьегородском переулке, и весной в половодье нас регулярно заливало. Для промывки проб от бромформа отпускался спирт, и в обеденный перерыв (если мы не отправлялись на корты Парка Культуры) Рыжий (Дима Родионов, ныне уже покойный), будущий знаменитый математик от геологии, бежал на Калужскую площадь за фаршем или рыбой-муксуном, из которой тут же делалась малосолка, и все это употреблялось под декламацию стихов Николая Гумилева («Волшебная скрипка»: «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка... ты не знаешь, что такое эта скрипка, что такое темный ужас зачинателей игры...») или Драверта («Серебристую нельму ловить и стада тонконогих оленей водить...»).

Я попала под начало Света Кравченко, по странной иронии судьбы однокурсника моего первого... кого? мужа? - мы были только расписаны, и Миша тут же уехал в Мага-

дан. Неизвестно, кому нужна была эта «свадьба», наверное случилась она потому, что все вокруг уже переженены.

Короче, начались сборы в экспедицию. Добывание секретных карт в фондах (все мало-мальски точные и крупномасштабные карты были, конечно, под грифом СС («сов.секретно»). Потом закупка на складах продуктов на весь сезон (тушенка, сгущенка, крупы, макароны, компот и т. д.). Потом на склад за снаряжением: войлочные кошмы, спальники, сапоги, рабочие ботинки, костюмы х/б, б/у – штормовки, палатки, седла, вьючники... И, наконец, все это надо было упаковать, заколотить в ящики и отправить малой скоростью за 7 тысяч километров в Большой Невер. В нашем отряде, помимо нас со Светом и Боба Золотарёва, появились коллекторы — странноватый меланхоличный лысеющий парень Бориска (как потом, много лет спустя, выяснилось, это был уже в ту пору гонимый поэт Владимир Корнилов) и приятель Света, начинающий ученый-демограф Андрей Волков. Свет познакомил нас на выставке французских репродукций — тогда впервые появились у нас хотя бы в репродуцированном виде Пикассо, Дерен, Руссо, Гоген... Андрей был изысканно любезен, отменно вежлив, так что в первую минуту мне, привыкшей к отношениям «запанибрата», это было несколько неприятно.

Но, наконец, сборы закончены, и мы отправляемся в купе скорого поезда «Москва — Пекин» с Ярославского вокзала. Впереди 7 дней пути! Это потом уже в поле стали летать — экономить время, а тогда все еще было почти по старинке. Поезд шел неторопливо, отмечая сутки и часовые пояса крупными стоянками: Киров, Свердловск, Новосибирск, Красноярск — за сутки паровоз, пыхтя, проглатывал около тысячи километров. Стрелки часов мы не переводили — ритуал переведения стрелок проводился только по прибытии на место — и продолжали жить по московскому времени, раздражая проводниц неурочным чаепитием. В обязательный ритуал поездки входили также карты, домино в купе, а на остановках — пиво и книжный ларёк. Вообще,

книги, чрезвычайно редкие тогда в Москве, попадались в городах по пути и особенно в маленьких поселках всегда — обычно из экспедиции привозили несколько ящиков книг.

Вторая половина июня в Сибири — самый пик весенних цветов. Из окна вагона были видны березовые рощи с молодой листвой, заросли диких пионов, осыпанные розовыми цветочками кусты жимолости, мелькали огоньки жарков. Проехали над широченными реками — Обью, Иртышом, и все с нетерпением ждали Байкала. Даже спать не ложились. Первым воду между гор увидел Боб — еще совсем вдали, в дымке. Все было голубое, туманное, и высоко над горами легкие розовые предрассветные облака. Потом они стали почти алыми, а озеро увеличилось — оно было какое-то ледяное, немного суровое и над ним сверкали молнии: на другой стороне в горах шла гроза. Горы кругом все поросли березами и елями, цветущим кустарником. После двух тоннелей мы поехали совсем близко над Байкалом, его южным концом. Бесконечными зигзагами и поворотами поезд спустился вниз к Слюдянке — тут уже «славное море» во всем величии: волны, набегающие на берег, и бесконечный горизонт.

После Байкала природа резко изменилась — уже не было обычных среднерусских лесов и перелесков, кругом горы, поросшие соснами, кедрами, елями.

В конечный пункт своего пути на поезде — Большой Невер — приехали мы рано утром. Невер оказался большой деревней, или вообще «дырой». Правда, имелся «парк» — небольшая березовая роща и кругом сопки, заросшие кустарником. Из Невера выехали к вечеру. Дорога (знаменитый АЯМ) поначалу показалась прекрасной. Кругом — лиственничный лес, масса всяких необыкновенных цветов — ярко-красные лилии, темно-синие горечавки, розовый багульник. Под ногами ковёр брусники и мха. Лиственницы тонкие, в пушистых зелёных иголочках. Увидели стадо оленей с ветвистыми замшевыми рогами. Крошечные оленията жмутся к толстым безрогим оленям. Проехали

Чульман — новый поселок на недавно открытых угольных м-ниях. Ехали мы на север, поднимаясь все выше и выше, и пересекли Становой хребет. Это была южная граница Якутии — она начиналась высокогорной тундрой — лиственницы совсем исчезли, остался только кедровый стланик и карликовая береза. Потом и они стали пропадать — остались только мхи и лишайники. И, наконец, одни только голые скалы и снег — все это на фоне совершенно сердоликового заката. Заночевали у геологов на «Таежке». Под ногами белый ковер ягеля и сплошь усыпанные крупными желтыми цветами кусты рододендрона. Воду берут из любой ямки во мху, она очень вкусная — ведь под почвой слой вечной мерзлоты.

Алдан оказался порядочным городком, с асфальтированными кое-где улицами, деревянными тротуарами и бревенчатыми домами. По улицам мела тополиная метель. Из Алдана мы уехали в начале июля. Погода была серенькая, моросил дождик. По случаю дождей дорога, нужная нам (на Ылмах), оказалась заперта в прямом смысле слова — шлагбаум и замок. Свет, напугав местное начальство «экспедицией с правительственным заданием», уговорил их нас пропустить. По разбитой дороге среди тайги, за узкой быстрой речкой мы попали в Ылмах — поселок, состоящий из пары десятков бревенчатых домов, с клубом, около которого резались в бильярд, и столовой, около которой валялись пьяные.

Ылмах — речонка небольшая, но быстрая и рыбная — и хариусы, и ленки, и даже таймени. Хотя река мелкая — камни выступают над водой и вокруг них белые бурунчики. На той стороне — обрывистые ущелья, в которых по вечерам собирался туман и клочками облаков висел над водой. В глубокой расщелине, уходящей вниз, — седой от инея мох и кристально-чистые ледяные сталактиты. Внизу, у подножья скал, — заросли красной смородины, на склонах — брусника, голубика.

Выяснилось, что лошади по таежной тропе не пройдут — лучше брать оленей, а они могут тащить не больше 30 кг каждый. Кроме того, неожиданно Свет выяснил, что на массив гораздо ближе попасть другим путем, через Джеконду, оттуда только 30 км, а в Джеконде можно достать лошадей. Вернулись в Алдан, по дороге промучившись с беспрестанно лопавшимися камерами. Приехали пыльные, грязные и первым делом помчались в баню, а оттуда по традиции - в ресторан. Сидели там долго и даже танцевали к немалому изумлению всей публики. Официантка даже кинулась отодвигать фикус, а во всех дверях замерли изумленные фигуры — как заявил Свет, мы «внесли элемент Европы в Азию». Как мы добирались до нашего первого в сезоне массива — об этом сложена песня которую мы пели на мотив «Спят курганы темные...»

А потом якуты с лошадьми ушли и началась наша жизнь на р. Хрустальном, притоке Амбурдака, близ Ылмахского щелочного массива. Лагерь — в ущелье между гольцами, внизу все время шумит Амбурдак — мелкий, но бурный, с ледяной водой. Прямо перед нами – голец Кварцевый, высокий, в осыпях и зарослях стланика. За спиной — голец Хороший. Оба они часто бывают закрыты облаками, а иногда облака спускаются прямо на нас и тогда все оказывается в густом тумане. В маршруты ходили по курумникам — глыбовым осыпям, иногда покрытым мягкой подушкой ягеля. На вершинах растет кедровый стланик. Он стелется по земле, причем все ветки направлены в сторону постоянных ветров. Ветки часто бывают сухими и тогда кажется, что гора покрыта какими-то древесными спрутами. На склонах гор этот стланик тянется в высоту и пробраться сквозь него довольно трудно, а когда к нему прибавляется карликовая береза и хватает за ноги своими запутанными ветвями — вот тогда начинается веселье (да еще с 12-килограммовой пробой в рюкзаке).

На гольцах порой попадались куропатки, а около лагеря в камнях жили мыши-каменушки, похожие на сусликов,

очень милые. Свистели они совсем как птицы — даже с трелями. Нас они нисколько не боялись и таскали прямо от костра хлебные крошки, ивовые прутики и картофельную шелуху.

Андрей оказался хорошим товарищем — очень общительным, бодрым, все абсолютно умел делать и делать хорошо. Зато Бориска был невероятно комичен, сплошь и рядом раздавались такие возгласы (размеренно-равнодушным тоном): «Ой, ой, как кусается, какой кошмар!» (это о комарах), или: «Ой, ой Господи, как больно!» (ходит зачем-то босиком по камням). И тут же добавляет: «Но это ничего, я абсолютно спокоен. Надо привыкать». Возник ряд отрядных «словечек», с помощью которых мы объяснялись не хуже людоедки Элочки из «12 стульев»: «латифундия» (хорошо-то как), «что вы хотите», «исключительно по силе и изяществу», в ходу были цитаты из Глазкова: «Хотя речное пароходство и не нуждается в рекламе, его большое благородство прославить хочется стихами», из газеты: «До какой низости они докатились, как сказала нам товарищ Фурцева», турецкое слово, сообщенное Бориской — «Гермиорум» (что означает — ничего не вижу, когда дым ест глаза).

Лето якутское разкочегарилось только к началу августа - поспела голубика и в совершенно фантастическом количестве полезли грибы: подберезовики, подосиновики и маслята. С грибами был связан комичный эпизод. С первых дней пребывания на массиве Свет рвался ловить в Амбурдаке рыбу и для этих целей даже сплел «морду» — конус из ивовых прутьев. Ни одной рыбы в нее так и не попало, но «смотреть в морду» вошло в обычай, причем это выражение было равнозначно «девочки направо, мальчики налево».

Смеху было немало, особенно когда после сытного обеда Свет, потягиваясь, звал Андрея «посмотреть морду». Однажды на сковороде остались жареные грибы (через неделю непрерывной грибной диеты на них уже никто не мог смотреть). Я пытаюсь уговорить Андрея их доест, а он от-

вечает: «Боюсь, что эта капля переполнит морду моего терпения...». Пауза — затем всеобщий гомерический хохот.

Было еще два аналогичных термина: «собирать голу-бику» и «смотреть медвежьи следы». Бобка как-то таинственно сообщил Нелке, что он «обмедвежатил берег», т. е. попросту понаставил рукой с прижатыми пальцами на песке следы, очень похожие на медвежьи. Все остальные поверили, что около бродит молодой медведь, а Свет даже предложил добрый десяток способов его поимки.

Ко дню рождения Бориски ему «подарили» голец (с нанесением на карту), а Свет сочинил песню «Ылмахская лирическая».

4 августа мы отправились в Джеконду, навьючив пробы и все имущество на спины 20 оленей. Олени тощие, хилые — смотришь и удивляешься, как они тащат 25-30 кг. Зато рога огромные и придают им некоторое изящество и значительность, несмотря на глупые коровьи глаза и непрерывное хрюканье.

Тайга за это время подсохла, болот осталось мало, цветы уже отцвели. На тропе встретили старый якутский могильник — шалаш из коры лиственницы, сделанный на жердях высоко над землей, так хоронили раньше кочевники.

Из тайги вышли в долину ручья Мористого — был уже закат, и узкие высокие ели, все увешанные седыми и черными бородами лишайников, вырисовывались готическими силуэтами, напоминая «Башни» Чурлёниса. Заночевали в избе оленевода. Маленький сруб (2 x 3 м) из лиственнок, кое-как проконопаченных, низкая крыша из коры лиственницы, под крышей веревки для шкур и всякие приспособления для их выделки и сушки. На стене — связка оленьих кож, ящик с посудой, открытки с цветами и ярлычки от китайской тушенки. По стенам — лавка и топчан из слегка обструганных бревен лиственки. В сенях — связка белоснежных пушистых заячьих шкур.

Приближались к Джеконде. На закате видели издали Шаман — самый высокий (1671м) голец в Южной Якутии. Джеконда — глубокая долина между гор, без воды, вся изрытая шурфами старателей. Превышение Шамана над долиной 700м. Вид с вершины открывался великолепный — кругом бесконечные цепи гольцов, кое-где освещенных солнцем, кое-где со снегом на вершинах. Другой конец, Острый, всего на 70м ниже Шамана, напоминал Карадаг — такие же серо-фиолетовые обрывы и острый рисунок гребня. На этом узком гребне растёт густая грива стланика, а внизу — осыпи и ручьи. Главный ручей Привлекательный с двумя притоками: Горемыка и Блок. Широкое ложе его все в глыбах белого известняка, ручей то показывается в водопадах и омутах, то журчит где-то глубоко под камнями, а вокруг настоящий лес — корабельные сосны, тополя в два обхвата, рябины, берёзы, осины, под ногами — ковер травы, а по обе стороны почти отвесные обрывы головокружительной высоты.

После краткого пребывания в Алдане (с обязательной баней, выпивкой) мы отправились на Инагли — массив потом ставший знаменитым в какой-то мере из-за наших работ: мы там понаоткрывали пегматиты, новые минералы и вообще новую редкометальную провинцию, не говоря уже о новом для Якутии типе формации — «кальдерах проседания»: нечто вроде «вулкана наоборот». Шли мы на Инагли, навьючив лошадей, через Селигдар — заброшенный посёлок, в центре которого большое пустое здание электростанции. Бывшая столовая, бывшая школа, бывшая больница. Живут несколько русских семей, а электростанция, работавшая 20 лет на дровах, из-за отсутствия оных (леса вокруг вырубил) прекратила свое существование.

По дороге из Селигдара на Инагли — чудесный лес: сосны, кедры, лиственки, под ногами мох, усыпанный брусничкой. Инагли — круглая чаша в обрамлении гольца Лапчатого, заросшая сосновым лесом и лиственкой. Погода, побаловав нас несколько дней солнцем, решила, что пора и

честь знать, и 24 августа дождь стал постепенно переходить в снег. «Проснувшись рано...» и выглянув из палатки, я увидела глубокую зиму. Все бело — палатки, кусты, деревья. Стланик весь согнулся и полег под тяжестью мокрого снега, сосны в снежных шапках на фоне хмурого серого зимнего неба. Днем снег начал таять — то одна, то другая ветка стланика вздрагивала и выпрямлялась, стряхивая с себя снег.

После снега сразу, резко, окончательно и бесповоротно наступила осень. Первой поддалась карликовая березка — за несколько часов она вся зарделась. Созрели ягоды — голубика, черника, брусника, малина, черная и красная смородина. Подлесок весь краснеет — листья голубики стали темно-красными, отчего все сизые ягоды более заметны, черника тоже с красной листвой и только брусника хранит свою темную зелень. Уже созрели шишки стланика, иногда вместе с ерником (карликовой березкой), сквозь которые приходилось пробираться, уподобляясь то ужу, то обезьяне, теряя человеческий облик. Но... к концу августа опробовано было все, что надо, пробы отправлены с оленями, и наступило краткое время безделья. Вечерами до одурения играли в «города» и в «балду», набирали на одну букву великих людей — последнее занятие оказалось самым прилипчивым. Иногда посреди обеда или утром, только проснувшись, кто-нибудь восклицал: «Вот на «С» есть еще Сальвини! Как, вы не знаете Сальвини? Ну что с вами разговаривать!» А Свет, когда запас фамилий иссякал, немедленно придумывал любую и, когда его уличали, говорил:

«Как, ты его не знаешь? И ты не знаешь? И ты?... Ну и я не знаю...»

Уходили с Инагли в ясный осенний день. В лесу березы от малейшего ветерка осыпаются золотым дождем. На фоне берез особенно заметна темно-красная листва рябин и зеленый стланик. А с перевала все эти пятна желтого, красного и зеленого особенно ярко выделяются на фоне

голубовато-синих курумов Лапчатого. На перевале кое-где пятна снега. С перевала в сторону Алдана открылся величественный вид — внизу желтеющие долины, а по всему горизонту — цепи гольцов с заснеженными вершинами, кое-где в облаках. Спускаясь с перевала, нашли настоящий кедр и тщетно пытались сбить шишки, пока нас не научили, как надо это делать: к стволу параллельно приставляется большое бревно и им ударяют по дереву — шишки при этом летят на землю, иногда на голову, очень красивые, серовато-сиреневого цвета, крупные, смолистые. Пока мы предавались этому занятию, стало темнеть, но тут, к счастью, кончился лес и вышла луна — при ее свете мы и добрались до Селигдара.

В 20-х числах мы покинули Алдан и по уже подмерзающей дороге среди осенней тайги двинулись в Невер. По дороге пришлось 8 раз менять колесо — камеры лопались из-за мороза и ставшей за лето ухабистой дороги. Было грустно. Сезон кончился. На перроне Ярославского вокзала я крикнула: “Прощайте, Андрей Гаврилович!”

ВОЛОБУЕВ М. И.

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Я хотел бы рассказать о невероятном стечении обстоятельств, имевших место 50 лет назад и сыгравших решающую роль в моей судьбе, да не только в моей, но и в судьбе моего давнишнего друга Тихона Тарасенко. После окончания Старооскольского геологоразведочного техникума мы с ним были направлены на работу в Дальстрой (нынешняя Магаданская обл.). Работали в только что организованной Пенжинской экспедиции, занимались геологическим картированием «белых пятен». Работа была необыкновенно интересной. База экспедиции находилась на полуострове Тайгонос, в устье р. Гижиги.

Отработав более трёх лет, мы выехали в отпуск, имея при себе невиданные для нас суммы денег, заработанных в

экспедиции. В Магадане нам выдали бесплатные путёвки в лучшие санатории Абхазии. Но вот беда, была середина апреля, пригрело солнышко, и грунтовой аэродром в Магадане растаял. Говорят, просохнет не раньше, чем через две-три недели. Кто-то нам посоветовал проехать по Колымскому шоссе до пос. Сусуман: там еще стоят морозы и самолеты летают до Якутска и Хабаровска. Мы тут же отправились в Сусуман. В гостинице аэропорта нас поселили в номер, в котором проживали такие же пассажиры-отпускники, как и мы. Наиболее коммуникабельным и общительным среди них был Борис Самойлович. Как потом выяснилось, он работал зам. гл. бухгалтера Дальстроя, это очень высокая должность. Как-то вполне серьезно он мне говорит: рассказывают, что бывают случаи, когда самолёты долетают до Хабаровска и не разбиваются! До меня дошло, что это у него такой юмор. В общем, мы дружно прожили двое суток. Самолёты в эти дни не летали из-за плохой погоды, а пассажиры всё прибывали и прибывали.

Наконец, на Якутск путь открылся, а Хабаровск, всё ещё был закрыт. Борис Самойлович и его коллеги твёрдо решили лететь только в Хабаровск, а нам было всё равно. В Якутск отправлялись два рейса, с интервалом в 15 минут. Сначала шел грузовой рейс, но он брал и пассажиров, а за ним и пассажирский, более комфортный, с мягкими креслами, но, главное, тёплый. У нас были билеты на пассажирский рейс. Вот уже подошла к концу регистрация пассажиров, мы, последние в очереди, протянули свои билеты администратору и сдали чемоданы. Вдруг вбегает женщина, с двумя маленькими детьми, и начинает слёзно умолять, уступить ей места. Мы переглянулись с Тихоном, а что – пусть летят, мы и грузовым доберёмся. Через пару дней мы уже вылетели из Якутска в Москву. Дорога была очень утомительной, самолет приземлялся через каждые 2-3 часа. Только на третьи сутки мы попали в стольный град.

Незаметно пролетело лето, наступила осень 1951г. Мы – студенты геолфака МГУ. Учились еще в старом зда-

нии, на Моховой. Однажды после занятий мы не поехали сразу в общежитие, на Стромынку 32, а решили сходить в Большой театр. Тогда это было просто. На подходе к Большому, вот чудо, встречаем того самого Бориса Самойловича и его коллег. Мы обрадовались, улыбаемся, бежим к ним навстречу с распростертыми объятьями, а они смотрят на нас, как на прокажённых, и произносят только одно слово: «Как?!» – «Что, как? – спрашиваем. – Вот, поступили в Московский университет, теперь студенты, учимся, а сейчас идем в Большой театр».

Скоро все разъяснилось. Оказывается, тот пассажирский самолет из Сусумана, который вылетал вслед за нами, разбился. Обледенел в районе хребта Черского, не смог набрать необходимую высоту и врезался в сопку. Они-то знали, что у нас билеты были на пассажирский рейс, поэтому считали нас погибшими и очень жалели. Но Спаситель был милосердным к нам, и фактически уже «сущимъ во гробехъ, животь даровавъ» . Да будет Его воля.

ГОНЧАРОВ М.А.

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ

Мне довелось присутствовать и в некоторой мере участвовать, если не при зарождении, то, по крайней мере, при становлении нового метода геоморфологического картирования, разработанного Натальей Петровной Костенко и получившего ныне признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Суть этого метода – сочетание анализа топографических и геологических карт, проводимого непосредственно в поле, с натурными наблюдениями, зарисовками и фотографированием. А эти наблюдения нельзя производить снизу, из горной долины. Поэтому метод полевой работы был не вполне обычен. Никаких постоянных лагерей, ночёвка вблизи автомашины, дневные переезды в десятки километров с несколькими высокими пешими подъемами,

быстрый охват огромной территории, непрерывное картирование.

Особенно запомнились два маршрута. Один – от столицы Таджикистана Душанбе (тогда Сталинабад) вверх по долине р. Оби-Хингоу (левого истока р. Вахш) через перевал вблизи города Калайхумб (с ночёвкой на самом перевале) в долину р. Пяндж, вверх по этой долине до города Хорог, по границе с Афганистаном (где недавно шли сражения между талибами и войсками Северного альянса) и далее вверх на плато Памира.

Другой маршрут – от Душанбе вверх по долине р. Сурхоб через границу с Кыргызстаном до Алайской долины – геоморфологической границы Памира и Тянь-Шаня. В этом маршруте всюду проявился авантюрный характер Н.П. Автодорога тянулась тогда только до пос. Хаит, незадолго до этого полностью разрушенного мощным землетрясением. Это не остановило Н.П. Она выяснила, что поблизости, в пос. Джиргаталь, имеется аэродром, и организовала перелет не “над горами”, а “меж горами” вдоль Сурхоба до пос. Ляхш. Далее были арендованы ишаки. А вот на закупку дополнительной провизии денег не осталось, и мы в полуголодном состоянии, но в весьма приподнятом настроении буквально “доползли” до Алайской долины. На обратном пути до Хаита пришлось менять часть нашего нехитрого полевого снаряжения на лепёшки у местного полунищего тогда населения, чтобы не умереть с голода. Сейчас я все это вспоминаю с большим удовольствием.

Камеральный же, московский период Таджикской экспедиции не вызывал у меня никакого энтузиазма. Это была постоянная корректировка геоморфологических карт. Ныне, с помощью компьютера и программ Adobe и CorelDraw, это не представляло бы никаких затруднений. А тогда главными инструментами были лезвие безопасной бритвы и ластик, и несчастная карта на кальке иногда была затерта до дыр. Сводная черновая калька Таджикской депрессии, где

преобладали желтые тона, получила у сотрудников экспедиции название «желтый ужас».

КАФЕДРАЛЬНАЯ КРЫМСКАЯ ПРАКТИКА

Начало моей аспирантуры в 1959г. совпало с началом моего участия в Крымской учебной практике по общей геологии, которую каф. динамической геологии проводит и поныне, начиная с 1958г. Энтузиастом и зачинателем этой практики был В.И.Славин. Владимир Ильич постоянно эту практику совершенствовал. Так, в первый, 1958г, еще не вполне осознав некоторые климатические особенности Горного Крыма, он организовал полевой лагерь для всех студентов I курса на нижнем плато массива Чатыр-даг, на высоте около 1200 метров над уровнем моря, опасаясь крымской жары. Действительно, сколько раз мне ни приходилось водить студентов на это плато, жары мы там никогда не ощущали. Но в тот первый год случилось непредвиденное – неожиданно пошел снег. Лагерь был немедленно снят, и огромная толпа студентов и преподавателей двинулась в сторону более тёплой Алушты. Среди студентов было довольно много негров из Африки, которые по обычаям своих стран завернулись в одеяла и в таком виде спускались к Алуште к немалому удивлению местных жителей, туристов и отдыхающих.

После этого стали ставить лагеря, наоборот, в полосе Южного берега (тогда там были довольно пустынные места, в отличие от нынешних времен, когда даже в маршруте трудно пройти по Южному берегу из-за многочисленных построек и заграждений). Оказалось, что жару вполне можно перетерпеть вблизи моря.

Это были “золотые годы” Крымской практики. К этому следует добавить, что из одного лагеря в другой студентов часто везли по морю на катере. Так что практика, как для студентов, так и для преподавателей была весьма романтической, несмотря на обычные полевые условия (жизнь в

палатке, котловое питание и т.п.). Непременным атрибутом окончания практики, после приёма зачёта, было пиршество у костра с шашлыками и вином, которое привозили для огромной массы студентов прямо в бочках. Увы, теперь все это в прошлом...

ЖУКОВА Е. А.

БИОСТАНЦИЯ МГУ НА БЕЛОМ МОРЕ

Неизгладимое впечатление оставила практика на биостанции МГУ в Кандалакшской губе Белого моря. в 1954г. Энтузиазм, с которым продолжала создаваться эта биостанция усилиями Н.Перцова, В.А.Свешникова и их помощников, как-то мгновенно охватил и нас. Мы с одинаковой радостью бродили по литорали, наблюдая и собирая фауну, расчищали площадки и собирали доски для надстроек, задуманных Перцовым, сидели в лаборатории и под руководством В.А.Свешникова изучали и зарисовывали собранных «зверей», а потом забирались на палубу «Персея» – первое судно, добытое Н. Перцовым для биостанции, – и уходили на нём далеко в море и к другим о-вам.

Мы следили за склоняющимся к горизонту солнцем, огненный шар которого только слегка касался моря и, покачавшись на его волнах, снова поднимался... И мы, в три часа светлой, как день ночи, играли вместе с нашими преподавателями в волейбол. А потом сквозь лесные заросли пробирались к отметке Полярного круга.

И еще вспоминается, как Юра Кабанов уходил ночами на лодке в море и самозабвенно исполнял арии из опер, начиная обычно арией Кавародосси, и как прекрасно пели дуэтом Перцов и Свешников «Однозвучно звенит колокольчик» и другие романсы... Нашей группой палеонтологов был поднят флаг, на котором мы вышили три заветные буквы ББС – Беломорская Биологическая Станция.

ИЛЬИНА Г.А.

ПИСЬМО РОДИТЕЛЯМ

12.07.54. Дорогой папочка! Ты уже, наверное, один остался в Москве. Я не писала так долго, потому что в Сталинске (Новокузнецк) не успела, а когда мы перебрались сюда в Апанас (это за 50 км от Сталинска), то на следующий день начались здесь дожди и машины все равно не ходили в город ... ну, вот. А живём мы сейчас, как на курорте, только ящики приходится таскать больше, чем по 100 кг. Мы как-то хотели измерить вес этих ящиков, для этого для сравнения посадили в ящик нашу начальницу и Ритку вместе. Так такой вес нам показался игрушечным. Но встаём зато часов в 8, не раньше, и вообще жить не спешим.

Живем мы в поселке, снимаем комнату, хозяйка нам готовит. Здесь вполне цивилизованное место: два раза были в кино. Но это потому, что здесь работает геологическая партия, т.е., здесь м-ние.

Ну, а природа здесь изумительная: тайга и горы, небольшие, правда, 400–500 м. Теперь мы поняли, что такое тайга, в ней даже в хорошую погоду жутковато, трава выше пояса. Здесь не говорят «лес», а говорят «тайга». Да, в этой тайге, да и не только в тайге, очень много зверья и есть ещё отравная «мошкà».

Ну вот, а работаем мы сейчас в кернохранилище, и вообще в течение ближайшего месяца будем работать главным образом в разных кернохранилищах (на расстоянии 5–7 км отсюда). А потом снимемся отсюда на Кондому (на месяц приблизительно), там у нас будет образ жизни совершенно противоположный: будем плыть на лодке по р. Кондоме и ее притокам. А потом до конца уже будем в Томь-Усинском р-не, совершенно глухом, на самом юго-востоке р-на (Горная Шория) ... Там тоже тайга, но еще и болота. Да, в тайге дикое количество клещей, но они сейчас не опасны, они переносят энцефалит только в мае.

Когда мы были в Сталинске, там была поразительная погода: точно через день она менялась – то изумительная

жара, мы бегаем купаться на р. Томь, а то ходим в ватниках и в резиновых сапогах. Сталинск нам не понравился: грязный и такое впечатление, что кругом окраина. Но это еще может быть оттого, что идет большое строительство: Сталинск застраивается небольшими, но очень хорошими домами, пока что нет ни одной полностью застроенной улицы. Самым феноменальным является мост через р. Томь, соединяющий Старый и Новый города (это две совершенно различные части Сталинска, далеко отстоящие друг от друга). Через этот мост можно двигаться только в одном направлении, причем, так как по нему двигаются не только люди, лошади, машины и трамваи, но и поезда, то он часто бывает закрыт – шлагбаум. Однажды я в трамвае просидела 40 минут, пока нас не пропустили. *(Вот были времена! А теперь, 50 лет спустя, просидеть в московской пробке 40 минут – почти удача.)*

КОЗЬМИНА Н.П.

ПОСВЯЩЕНИЕ В СЕЙСМОРАЗВЕДЧИКИ

Мои воспоминания об экспедициях, о поле связаны со студенческими практиками.

Первая производственная практика проходила в северо-восточном Прикаспии на высохшем дне бывшего залива Комсомолец. Место это дикое, солончаки – пустыня без конца и края с высохшими соляными «пятнами» (т.н. сорами) розоватого цвета. Высохшими только на вид (даже корка растрескалась), а ноги вязнут в них, как в мягкой глине. Климат - сырое пекло, сырое, потому что на глубине около 10 километров – пльвун, ни лежать, ни сидеть на такой «земле» нельзя категорически.

У Паустовского (в связи с работой над «Кара-Бугазом он объехал все побережья Каспийского моря, исключая южные) есть слова: «...на Мангышлаке, как и всюду в пустыне, летние дни отличаются жесткой жарой, а летние ночи

холодны, как мартовские ночи в Москве.». Могу подтвердить!

И вот наш зав.каф. В.В.Федынский заслал нас, троих студенток – Таню Гринёву, Иру Мирошниченко и меня, сказав, что «это – колыбель будущих сейсморазведчиков». (В этом районе очень простая «низменная» геология, легко «простреливается» разрез, выделяются соляные купола). Это Эмбенский нефтяной район, тогда там производственники искали нефть. Было открыто уже несколько месторождений, шли дальше, на юг вдоль побережья Каспия. Теперь уже на карте есть такие названия: Доссор, Макат, Кульсары, Косчагыл, Каратон, (они соединены ж.д.), а тогда это были буровые, окруженные низкими, не понятно из чего слепленными строениями.

В Гурьеве нас раскидали по разным партиям. Я попала в южную точку с «экзотическим» названием «Прорва» (это место и сейчас есть на карте). Туда через пустыню из Гурьева два раза в месяц на грузовике возили продукты и зарплату рабочим. Сопровождала его молодая дородная женщина – бухгалтер, на этом транспорте предстояло ехать в партию и мне. Когда я предстала перед Полиной (так звали бухгалтера), она, взглянув на меня, произнесла: «И как же тебя *такую сюда* заслали». Смысл этих слов я поняла позже.

Ехали мы почти сутки под страшным пеклом (грузовик почему-то был без тента) в кузове, набитом каким-то экспедиционным скарбом и людьми. Была бочка воды с торчащим из неё шлангом – к нему можно было «припадать» (я побоялась). Когда село солнце, стало холодно и очень темно. Куда приехали, где – что – не понятно. Утром я увидела, что лагерь (партия размещалась в землянках) построен полукругом, все входы в землянки обращены внутрь его. Дело в том, что в этих местах часты «песчаные» ветры, они заметаюи землянки с головой. Направление ветра постоянно меняется и тогда те, кому повезло не быть засыпанным – откапывают остальных и – наоборот.

Мне повезло, Полина взяла меня жить в свою 2-местную землянку (там ещё жила девушка – топограф), взяв надо мной такое шефство. Иначе мне пришлось бы жить с рабочими-казашками в 20-местной землянке с нарами в два этажа. Землянка была очень маленькая, и мою раскладушку поставить было негде. Вопрос решили так – поместили меня через порог: половина меня в землянке, половина снаружи в брезенте, поперек меня - кошма из верблюжьей шерсти (в ней разрезали дырку), которой закрывают вход, чтобы змеи не заползали. Таким образом, я плотно закупоривала вход.

Однажды я услышала страшный визг и надо мной (ума не приложу – каким образом) буквально пролетели две фигуры. Оказывается ночью с камыша, которым кроют землянки – единственного стройматериала этих мест – посыпался песок, и мои соседки при свете керосиновой лампы увидели огромную фалангу, висящую на потолке «вниз головой». Существо это вида препротивного – туловище двойное (как рыбий пузырь и такого же цвета) и оно «висит» на длинных изогнутых ножищах, которых, кажется великое множество. Укус этого паука в мае просто смертелен, но в июле получить такой «укол» приятного мало. Как сумели мои соседки выскочить наружу через закрытый мною вход – не понял никто. Никто не понял и как казах, прибывший на крик, влетел в землянку и схватил это страшилище меховой шапкой. Я даже толком испугаться не успела.

Партия была довольно большая, все рабочие – казахи, народ, по тем временам, диковатый. Большинство не видело, например, железной дороги, а когда заходила речь о Москве (и тем более о МГУ) – не верили ни моим рассказам, ни книгам, которые я привезла с собой – «для просвещения» (так велено было). Наш молоденький шофер (мы звали его Миша) каждый вечер приходил к нашей землянке, рассматривал картинки в книжках о Москве и др., цокал языком, качал головой, удивлялся, спрашивал, и к по-

моему, ничему не верил, а на меня смотрел, как на диковинку. Однажды у одного рабочего разболелась голова, я дала ему анальгин, и так как он мгновенно исцелился, то после этого весь лагерь носил и возил ко мне «на исцеление» всех, включая овец, коз и собак. С водой было туго, её привозили из Эмбы в бочке, и полагалось на день ведро воды (это в лучшем случае) на все про все. Пить во время жары строго запрещалось и не столько по безводью, сколько, потому, что это губительно. Стоит выпить, и остановиться уже не можешь и слабеешь от обессоливания. Я научилась на всю жизнь переносить жару без воды, напиваться только вечером.

Работала я сначала в поле, на профиле. В середине 2-километровой косы с сейсмографами, стояла передвижная сейсмостанция, записывающая колебания от двух взрывов на концах кос. После «прострелки» все это передвигалось точно по профилю (размеченному топографами) на 2 км. И все повторялось снова: взрывы, запись, переезд, перетаскивали сейсмографы по профилю казашки-рабочие. Почему-то по сорам они шли в толстенных каких-то чулках. Я работала в «сейсмичке» на записи и упросила шофера дать мне порулить - переехать на другую стоянку на 2 км. Мне это ужасно понравилось, несколько дней все мне удавалось и, осмелев, я попросила Мишу дать мне перевезти взрывчатку с одного пункта взрыва на другой. Он пустил меня в кабину, и я лихо двинулась. Но я не знала, что старый ГАЗ-5, по сравнению с подвижной «сейсмичкой», разворачивается с большим трудом. И вот я еду, мне надо уже разворачиваться, кручу руль - а грузовик «прёт» прямо на рабочих, сидящих около приборов на профиле. Начался переполох, никто ничего не понимает, а я не могу свернуть. Спас Миша - он вскочил на подножку, «пнул» меня вглубь кабины, и вырулил. Скандал!

Нач.партии снял меня с профиля (хорошо ещё, - не с практики) и отправил меня в камералку на все оставшееся время, чему я была несказанно рада. Я смогла заняться

тем, ради чего я приехала на практику – строить разрезы, обрабатывать сейсмограммы, определять места на «нефть», и увидеть, наконец, «колыбель сейсморазведчиков». А вскоре в Гурьев вызвали интерпретатора партии, и она, наскоро введя меня в курс дела, уехала, оставив меня одну на все – про все. Вот это было ДА! Есть, что вспомнить. Однако «вырулила».

А вообще-то, я оказалась в уникальном месте – ни до, ни после у меня таких сильных впечатлений не было. Запомнились темные ночи: как только садилось солнце, темнота наваливалась мгновенно – как одеялом накрывало. Такой резкой смены дня и ночи, без какого либо перехода я больше нигде и никогда не видела. А небо как-бы опускалось на тебя, становилось ниже, звезды яркие огромные (с кулак), чуть-чуть и достать можно. Незабываемо!

А ещё, когда уже возвращалась обратно по той же дороге, то ближе к Гурьеву оказались в тех же местах ночью - новое впечатляющее зрелище: буровые вышки и над ними – яркие факелы (это сжигали сопутствующий газ перед добычей нефти). Черная ночь -- и факелы! Правда, это сыграло с нами злую шутку. Ведь в пустыне нет дорог, а вышки все одинаковые – и вот, не смотря на опытность шофера, мы всю ночь крутились вокруг одного и того же места.

Вот такое было мое «посвящение в сейсморазведчики».

Зато преддипломная моя практика проходила на Днепре в районе строящейся тогда Каховской ГЭС в экспедиции Геофизического института АН СССР. Жили в украинском селе, спали в саду под вишнями (утром они оказывались прямо на наших спальниках). А такого количества всяких фруктов и прочих украинских вкусностей я не видела больше нигде. Наша хозяйка угощала нас томленой в печке картошкой (размером с мелкую сливу) в сметане, да ещё и с малосольными огурчиками. Вот это еда!

Как-то всей экспедицией (3 - 4 грузовика) мы поехали в заповедник Аскания Нова на экскурсию, а затем на Азов-

ское море на 3 дня (до этого работали без выходных). Приехали к морю в темноте и стали искать сухое место (буквально руками прощупывали), чтобы разложить спальные. Улеглись. Утром слышу гомон над головой, вылезая из мешка – надо мной стоят граждане в полосатых пижамах и длинных халатах (по моде того времени) и с интересом рассматривают брезентовые кули. Оказалось – мы разлеглись рядком (а это полсотни человек) на ночлег на главной аллее курортного парка, ведущей к морю («нашли сухое место!»), а утром отдыхающие пошли купаться, и были весьма озадачены столь необычным зрелищем (в спальные мы были упрятаны с головой).

Научным руководителем экспедиции была докт. ф.-м. наук Антонина Михайловна Епинатьева. Работы на Украине проводились по изучению и подавлению многократно-отраженных волн – они экранировали низлежащие горизонты и не позволяли оценить их перспективность на нефть. У Епинатьевой я писала диплом, по её заявке меня распределили в этот институт, но не в отдел сейсморазведки, а в отдел вычислительной геофизики (я должна была заниматься сейсмологией, а не сейсморазведкой – так вышло). И хотя я работала в другом отделе и совсем по другой специальности, она многие годы интересовалась моей (не только «научной») жизнью и всегда поддерживала меня.

Антонина Михайловна (светлая ей память) была человеком мужественным, сильным, требовала глубокого понимания того что делаешь, во всем любила четкость и ясность, умела до конца отдаваться своему делу и хотела видеть это в своих учениках. Мне повезло, что я оказалась в их числе.

По работе я бывала в длительных командировках на многих сейсмических станциях Союза: на Байкале, Урале, Кавказе, на высокогорных станциях Средней Азии и др.

Но *поля* в моей работе больше не было.

МЫТАРЕВ В. П.**ПОЛЕВЫЕ БАЙКИ**

III курс. Практика на Чукотке.

- Чукча приносит на продажу кусок оленины. Спрашиваем цену. «Однако сто рублей (завышает раз в пять). Мы: «Десять рублей». Чукча: «Холосо».

- Студент-практикант из Одессы хвастает только что купленной шкуркой пыжика. Знакомый чукча дёргает за мех, тот расплзается. Спрашивает студента, где сделана покупка и широко улыбается: «Она у него два года под чайником лежала».

- Два студента обмениваются впечатлениями после первой практики. Первый: «Ты знаешь, я из одной миски ел и первое, и второе, и компот!». Второй: «А я практически с собаками иногда ел». Первый: «То-то у тебя морда такая интеллигентная стала!».

IV курс. Казахстанская практика.

- Сажу около палатки. Знаю по-казахски всего одно слово «бельменды», что значит «не понимаю». Услышав его, казах повторяет вопрос. Я снова «бельменды». Казах выходит из себя, а до меня доходит, что он третий раз спрашивает по-русски: «Где начальник?».

Сахалин.

- Возвращаемся из маршрута и на опушке леса встречаем двух старушек. Первая: «Что, ребятки, грибов набрали?». Вторая: «Ты кого ж спрашивашь? Это ж гинекологи».

- После маршрута просим у бабушки воды напиться. Та, принеся воду, жалостливо смотрит на нас и спрашивает: «Вы там Федьку мово не видали? Второй год сидит».

- В маршруте с рабочим, у которого все мысли о деньгах, вдруг слышу: «Хорошо бы сейчас шпиона поймать!». Ну, думаю, что-то новенькое в репертуаре. Спрашиваю, что бы мы с ним стали делать. «У шпионов всегда денег много. Мы б его убили, а деньги забрали».

- Конец сезона. Крупный банкет. Рано утром самолет до Хабаровска. Сажусь в кресло, рядом симпатичная де-

вушка. Задаю вопрос, куда она летит и тут же засыпаю. Проснувшись, когда самолет уже приземлился в Хабаровске, но не осознав этого, продолжаю светскую беседу: «А как Вас зовут?».

- После крупного «сабантуя» идем с другом к морю. Встречаем третьего, медленно бредущего навстречу. Друг: «Ты посмотри, какое у него одухотворенное лицо!».

- Геолог перешел в другую геологическую партию и пришел прощаться со словами: «Извините, что я с вами работал...».

Алдан.

- Молодая сотрудница пишет объяснительную записку по поводу утери топографической карты: «Сидя на мосту, сдуло с колен».

- Совещание по вопросам строительства БАМ. Экскурсия с целью посещения золотообогатительной фабрики. Проходящие, весьма значительные персоны, называют охраннику свои фамилии.: «Красный», «Черный», «Миклухо-Маклай». Охранник, не выдержав: «Покажь паспорт!».

Новая Земля.

- Приехавший с проверкой начальник поймал на рыбалке очень крупного гольца. Начинаем намекать ему, что недавно были радиоактивные испытания. Начальник требует проверки рыбы на радиометре. Незаметно для него вкладываем в жабры рыбы радиоактивный эталон. Сильный треск. Начальник: «Немедленно выбросить!» Рыба была очень вкусной.

МЯСНИКОВА И. П.

ПОЛЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Чаще всего возникают в памяти и перед глазами моменты, связанные с практикой в Крыму: с разливом р. Бодрак, с Большим Крымским каньоном и спуском с Яйлы к Ялте. Именно здесь я получила первые сильные впечатле-

ния о созидательной и разрушительно силе геологических процессов. (воспоминания о Бол. Каньоне см. выше).

На всю жизнь запечатлелся в памяти полиметаллический рудник в Казахстане, где мы спускались в шахту и пробирались, а местами, где штреки были очень низкими, а подпорки – тонкие лесенки, буквально на четвереньках проползали вперёд, а по бокам сверкали вольфрамово-молибденовые руды в бело-молочных кварцевых жилах метровой мощности. Образцы у меня хранятся до сих пор.

С точки зрения чистой геологии наиболее сильное воспоминание у меня осталось от разрезов пород протерозойского возраста по берегам р. Маны в районе Выезжего Лога (Вост. Саяны). Это плотные микрокристаллические сливные кварциты, алевролиты, доломиты от розовато-серого до ярко-розового и малинового цвета, стоящие вертикальными сторожевыми громадами – откосами вдоль р. Маны. Лето было дождливое, мы почти постоянно ходили в брезентовых плащах и кирзовых сапогах. Змей в этих местах – превеликое множество. Когда мы шли вдоль реки, они буквально «шваркали» по ногам. А в одном месте на больших камнях на солнце их скопилось не менее полутора десятков, и все очень крупные – примерно 1,5–2 метра длиной. К обнажению мы не подошли, боясь потревожить этот змеиный «муравейник».

Впечатляющими оказались и мощные скопления серы зеленовато-желтого цвета в осадочных породах Куйбышевской области.

Замечательными были и полевые работы с машиной по отбору проб воды для определения их загрязнения различными органическими веществами (бензол, фенолы и др.). Пробы отбирала из Плещеева оз., озёр Неро, Белого, Кубенского; из Финского залива; из Невы, Волхова, Волги, Которосли и многих других рек в исторических местах России. И конечно же, побывали во многих храмах и монастырях того северного края страны.

НАЛИВКИНА А.И.

ПОСЛЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

После окончания МГУ нас с Семёновой распределили в Центр.-Казахстанское ГУ, Караганда. Провожал нас на Казанском вокзале почти весь наш курс. Пели, смеялись, а мой папа держал меня за руку и тихонько напевал гимн. Было весело, но, когда поезд тронулся, стало грустно до слёз. Стало тихо, и только так же тихо звучал уже наш гимн: «держись, геолог».

Приехали в Караганду, пошли в Геолуправление; нас поместили в гостинице, хотя это было непросто. Вскоре Наташу направили в съёмочную партию, а меня переселили в какое-то общежитие, в котором за всю неделю или больше, пока я там жила, я не видела ни одного проживающего. В надежде, что скоро отправят в партию и меня, я сдала вещи в камеру хранения на вокзале. Наконец, направляют в Джезказганскую экспедицию. Я пошла на вокзал за вещами, и мне выдали какой-то странный рваный, грязный чемодан. С ужасом смотрела на него и твердила: «Это не мой!». Но на меня кричали, что это мой, других у них нет. Я побежала в Геолуправление, но и они ничего не могли выяснить. Кончилось тем, что мне дали на неделю командировку домой за новыми вещами. Родителям я ничего не рассказала, насочиняла что-то, собрала новые вещи и уехала.

На этот раз в Караганде меня долго не держали, отправили в Джезказганскую ГРЭ, а в попутчики дали двух казахских женщин, ехавших туда же. Поздно вечером приехали – темно, нигде ни огонька. Где гостиница, где экспедиция – неизвестно. Казахки предложили мне пойти к ним. Шли не очень долго, но в темноте, без дороги и с вещами. Я настолько устала, что не помню, как дошли. Проснулась ночью оттого, что страшно чесались и горели ноги. Выбралась из юрты (!) на свет божий, и о ужас! Все ноги в кровавых шевелящихся точках – это следы раздавленных мной клопов! Я с трудом пришла в себя.

Потом меня проводили до Джезказганской ГРЭ. Там уже знали о моём приезде и ждали. В отделе кадров оформили геологом Жана-Аркинской геологоразведочной партии, которая находилась в посёлке Джезды. От Джезказгана через Джезды – Карсакпай идёт 100-километровая зона ГУ-ЛАГа. На следующий день в Джездах меня встретили, долго беседовали, зачислили в Жана-Аркинскую партию, изучавшую рассеянные и редкие элементы в м-ниях цветных и редких металлов. Устроили в общежитие – длинный деревянный сарай с «удобствами» на дворе. Слух о том, что приехал геолог из Москвы быстро распространился по посёлку. В общежитие приходили люди и заглядывали в нашу комнату (а поселили меня с двумя учительницами с Украины). Было неприятно, а вечерами даже жутко. В эти годы многих заключённых освобождали, многих оставляли на вечное поселение. Так, в плановом отделе Джезказганской партии работал бывший штурмбаннфюрер СС; в хозяйственном – бандеровец, в партии пьезокварца – гражданин мира. Это были образованные люди. Было и много бандитов, особенно среди бывших спецпереселенцев. Вечером, когда темнело, на улицу мы не выходили. Бывали случаи самые ужасные, писать о них не хочется.

В 1957г. перевели в партию, занимавшуюся съёмкой масштаба 1:10000 на никель-кобальтовом и асбестовом м-ниях, в 1958г. – на поиски м-ба 1:100000. В 1959–1964г.г. вела научно-исследовательскую работу по редким элементам в марганцевых рудах. Все годы работа была напряжённой: поле, шахты, микроскоп, командировки, отчёты. Вспоминаю теперь разные эпизоды. Например такой. Вдвоём с геофизиком пошли в маршрут. На грузовой машине нас довели до места, после маршрута туда же за нами должны были приехать. Небольшой плёсик, несколько кустиков, зелёная травка. Машина уехала, мы пошли. Температура под 50°, воды у каждого по поллитровой фляге. Вокруг – голая степь, ни ветерка, ни живого существа. Степь, степь, степь; идём, идём. Воды у нас уже нет, перед глазами туман. И

вдруг впереди голубое небо, водопад, воды – море...я кричу: «Смотри, вон там вода!». Участили шаг, чуть не бежим. И вдруг меня осенило: ведь это мираж! Назад скорее, скорее! Из последних сил добрались до нашего плёсика. А плёсика уже нет. Прошла отара, овцы всё вытоптали, осталась одна грязь. Но мы уже ничего не соображали. Хотели только воды. Вытащили носовые платки, расстелили и из этой грязи стали высасывать воду... скоро пришла машина, привезли нам воды и забрали нас.

ПОСТНИКОВА Г.И.

МЫ РАБОТАЛИ С НИМИ БОК О БОК

Эту историю, оправдываясь, мне пришлось рассказывать много раз.

Дело было на Камчатке, недалеко от Петропавловска в предгорьях вулкана Корякская сопка. Было там некое мажусенькое бессточное озеро – почти лужа. Мне надо было посмотреть -- не подпитывается ли оно со дна источниками с редкими щелочами. Отряд был сборный – у каждого свои задачи. Город – рядом, и на конец недели многие уезжали домой. В ту пятницу нас осталось, кроме меня, – трое: две совсем молоденькие девочки и геолог Миша, который очень плохо слышал, а это оказалось важным.

Субботний день прошел в маршрутах. Только я осталась в лагере. Солнце клонилось к закату, когда послышался плеск на озере. Я подскочила, как ужаленная. Проб еще не отобрала, а кто-то в озеро уже залез! Наверное туристы! Они, бывает, забираются на мотоциклах в такие места и купаются в мелких водах, прогреваемых солнцем до дна – редкость на Камчатке. Ещё мыла напустят! И бросилась через заросли к воде. Вижу – по озеру плывут три головы... в шапках!? Совсем спятили! До чего допились! И тут понимаю, что это совсем не люди! По озеру плыли три медведя. Ну, этих не прогонишь! Они тут дома. Медведи доплыли до отмели, уперлись о дно и стали тужить друг друга, как дети,

подняв облако брызг и наделав много шума. Медвежата ещё, но уже большеенькие. Прошлого года рождения. А мамочка где ж ??? Позже мы поняли, что мамочка обогнула озеро справа подальше от лагеря и прошла повыше берегом, не пожелав купаться и, вероятно, решив, что дети не пропадут. А дети вдоволь поплескались и поплыли в сторону нашего лагеря. Недалеко от него, но на другом берегу – вылезли из воды и скрылись в кустах. Почему они поплыли к лагерю? Должны бы -- от людей подальше...

Медведь на Камчатке – зверь особенный. Он огромный – с корову. Врагов у него нет и он никого не боится, только слегка остерегается человека. Любопытны они сверх всякой меры и нет конца медвежьим историям. Арсан рассказывал мне, как в один год медведи изобретательно разграбили их лабазы, запасённые еще по весне на тракторах. Причем грабили не столько, чтоб поесть, сколько, чтоб посмотреть, как крупа сыплется из разорванного мешка на тропку или на единую для всех круп кучу. Рассказывают – видели, как мишка тащил на гору запаянную бочку с продуктами, чтобы скинуть её и посмотреть – что будет. Любопытный зверь. Ему нужны зрелища и развлечения. Однажды, отработав на Налычево термальную площадку, мы залезли уже перед отъездом просто так на гору над этой площадкой и к своему удивлению увидели уютное местечко, отполированное мишкиной попкой. Пока мы работали, не поднимая головы, он смотрел!

Медведи очень быстро прикармливаются – могут весь сезон тащиться за отрядом, обследуя отбросы. У камчатских геологов есть жесткое правило: обжигать перед закармливанием всё, что пахнет едой. Известны случаи, когда туристы в Долине Гейзеров оставляли мишке поесть и даже норовили покормить милого доверчивого зверя чуть ли не с руки. Таких зверей егерям приходится потом отстреливать. Жуткие случаи нападения медведей на людей – не редкость .

Так что же мы сделали не так? Почему глупые медвежата стремятся к нашему лагерю? Какой лесной закон мы нарушили? Так и есть! Палатки поставили на медвежьей тропе! Звери ходят по своей местности, как мы по городу – по своим дорогам. Однажды я видела, как звери освоили под свою тропу военную дорогу в долине р.Камчатка. Военные проложили мощной техникой широченную полосу прямо через лес и бросили её или ездили только в период испытаний. По слухам – там луноход испытывали. Так вот, по этой совершенно не наезженной широкой дороге с одной её стороны шла тропа, на которой на глине можно было найти следы всех местных зверей. Здесь же звери сами проложили свою дорогу, как это они всегда делают. На ней не было кустов и она вела мимо водопоя. А мы со своими палатками на ней-то и разместились.

Вскоре все вернулись из маршрутов. Стали ужинать и решили, что «инцидент исчерпан». Но не тут-то было! Часа через два мы услышали, как мишки плещутся в воде под кустами где-то совсем рядом. Вернувшийся из маршрута наш спаниэль на мишек не лаял и сначала куда-то исчез, а потом явился весь мокрый и от наших ног не отходил. Что-то или кто-то помешал мишкам уйти по тропе на север, куда они, как мы думали, направились, и они вернулись.

Быстро темнело. Пополз туман. Ночь, лес, горы, озеро. Оружия – никакого. Укрытия – две палатки и тент над ящиками с продуктами. Есть спички, немного свечей и немного дров, да и те сырые. Сначала мы сожгли всю бересту, но она быстро кончилась, а дрова не слишком горели, да и для настоящего костра их было мало. Когда усталость превысила страх, мы решили лечь спать. Однако каждый положил рядом со спальником спички, бумажный жгут, пропитанный свечным парафином, а я -- еще и топор.

Уснули мы – как в омут провалились! (Теперь бы так засыпать!). На рассвете меня разбудил пёс, который на рысях ринулся из палатки. Сунув ноги в сапоги и схватив спички, жгут и топор, я вылетела за ним. Висел густой туман и в

этом призрачном свете по берегу озера уже совсем близко и не спеша брела тройца моих старых знакомых. Медведицы опять не было видно, но она, конечно, была недалеко. Пёс куда-то исчез. Мои все спали. Я лихорадочно зажгла жгут и какое-то время молча стояла, как Статуя свободы. А мишки лениво брели по тропе у озера мне навстречу.

Я – стою, они – идут! И мне очень страшно. Уже метров 20 до них. Слева тент над ящиками с продуктами. Если разнюхают – начнётся грабеж и нечем их припугнуть. В попыхах я забыла, что медведи плохо видят, но зато хорошо слышат. Они уже рядом. Метров десять. Хватаю какие-то миски и стучу ими друг о друга. Встали. Нерешительно топчутся на месте. Уж очень им приспичило пройти! Ну что там за задержки?!? Поднялись на задние лапы. Большие мишки. С меня ростом. Носы очень подвижные. Быстро водят ими право-лево.

От страха я онемела и забыла, что надо визжать – медведи боятся или не любят высоких звуков.

-- Ну, уходите же, ребята! Уходите!

Мишки медленно и очень неохотно опустили на четыре лапы и потрусили откуда пришли.

9 утра – это время, когда выходит на связь Институт Вулканологии и все его полевые отряды. Все слушают всех. Мне казалось, что о медведях надо сказать по рации, но Миша заметил, что нас засмеют.

Дело в том, что на Камчатке не принято бояться медведей. Это что-то вроде плохого тона, неприличного поступка. С медведем каждый должен справиться сам. Костя Скрипко (теперь он в университетском Музее землеведения) как-то рассказывал мне, как на Узоне бил по морде мешком с макаронами нахального вороватого мишку, который залез в их продуктовый склад. Мишка на задних лапах был, конечно, выше Кости ростом, но ретировался. Это нормальный поступок.

Но я решила, что все-таки я – женщина, хоть и геолог, и мне простительно бояться хищника величиной с корову, к

тому же силы немереной, да еще, когда они такой компанией. Известно, что охотники взрослого тигра могут взять живьем, а медведя – только маленьким медвежонком.

И я всё сказала по рации! Хотя паники в моем голосе вроде бы не было, меня действительно доставали года два. «Скажите!!! На неё идут медведи, а она не знает, что делать!?! Да снимать их надо было!!! Ах, меня там не было!!!».

Что было в Институте после нашего сообщения я рассказывать не буду – то особый рассказ! Дело в том, что одна из наших девочек была дочкой зам. директора В.М.Сугрובה – Таня. В поле она поехала просто погулять.

Часов через пять к нам приехали две машины, где было много сильных мужчин и стволов (ни один мишка не пострадал!). Потому что, если всерьез, без особенностей камчатского выпендрёжа, то ставить лагерь на медвежьей тропе – это действительно очень опасно.

РОЕР М.Е.

О ПОЛЕВОЙ ЖИЗНИ

Практику после III курса мы с Наташей Разенковой проходили в Кузнецком Ала-Тау на золотом руднике Балахчин в составе партии ЦНИГРИ. Нач. была Н. А. Фогельман. Нас с Наташей звали не иначе как цыплёнками и тем не менее доверили одним сделать геологическую карту масштаба 1:50000 вокруг этого рудника. На руднике работали одни зеки и, как я понимаю теперь, отпускать двух безоружных девчонок было нельзя. Но тогда мы ни о чем не думали и спокойно делали свое дело. Но опасности надо было ждать не только со стороны зеков, но также со стороны зверья, которым этот край был весьма богат.

И вот мы идём по кедрачу и слышим ниже по склону громкий треск. Мы встали спиной к могучему кедру и сжали в руках единственное оружие – наши геологические молотки. Треск послышался левее, нас явно кто-то обходил, совершенно не таясь. Мы делали несколько шагов в разные

стороны, но ничего не видели. Наконец треск послышался уже сзади, и Наташа, осмелев, прошла немножко дальше и тут же закричала: «Ой! зад на ножках!». Я подбежала и увидела, что медвежонок подлезает под здоровенный поваленный кедр. И вот тут-то мы по настоящему испугались: а где мамочка? Раздумывать долго не стали и что есть мочи побежали вниз по склону, так как знали, что медведица только в таком случае нас не догонит.

Придя в лагерь, мы услышали от мужчин массу советов, как надо было поймать медвежонка и искренние сожаления, что мы этого не сделали.

На преддипломной практике, проходившей на сев. склоне Гл. Кавказского хр., где был расположен медноколчеданный рудник Бескес, моим руководителем была с.н.с. каф. полезных ископаемых Татьяна Яковлевна Г. Она была знающим человеком, но абсолютно неприспособленным к полевым высокогорным условиям. Мне не раз приходилось снимать ее с крутых скальных обнажений, переводить через бурлящие потоки, хотя в весовой категории она превосходила меня раза в полтора. Работать с ней было очень скучно, потому что она не давала мне самостоятельных маршрутов, и я с тоской брела за ней, лениво поколачивая вулканисты.

И вот однажды, когда она что-то строчила в своей записной книжке, я совершенно неожиданно для себя тихонько мякнула, не раскрывая рта. Она насторожилась и посмотрела на нас – с нами был десятиклассник, который носил рюкзак. Мы сохраняли полную невозмутимость, и она успокоилась. Но, как Остапа, меня «понесло». Через 2–3 мин. я мякнула чуть громче. Она вскочила, схватила молоток и, затравленно озираясь, спросила, не слышала ли мы какие-нибудь звуки. Ответ был, разумеется, отрицательным. Но дело надо было доделывать до конца, и я громко мякнула в третий раз!!! Под панический крик «Бежим!» мы рванули вверх по очень крутому склону, не разбирая дороги. Бежать нам с Мишкой было труднее, потому, что нас

разбирал смех. Выскочили на дорогу-серпантин и она с вытаращенными от ужаса глазами спросила меня – великого знатока диких животных – «А рыси по дорогам бегают?», и мой молниеносный ответ «Только по дорогам и бегают!» – и галоп вверх продолжался.

Выскочили наверх, где никакие рыси нам уже не угрожали, и долго не могли придти в себя(превышение было метров 500). Мишке я сказала, чтобы был немым. Но... мужчинам доверять нельзя, и он в тот же вечер поведал эту увлекательную историю в столовой рудника, и она тут же запорхала по всему посёлку. Как известно, за все нужно платить! Вся партия после окончания маршрутов отправилась на Чёрное море, а я – в ссылку, в фонды Эссентуков на 2 недели. Но я ни о чем не жалела.

По моим описаниям можно подумать, что в поле только и были развесёлые моменты. Но тот, кто много ездил в поле - а у меня за спиной 34 полевых сезона - прекрасно знает, что там прежде всего тяжелый, но любимый труд и всякие непредвиденные обстоятельства, которые совершенно спокойно могли привести к печальному концу. Но из всех казалось бы безвыходных и страшных обстоятельств я вышла достойно, такая уж судьба.

СМИРНОВА Н.С.

АМУРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Из всех экспедиций, в которых мне приходилось работать, самой уникальной была Амурская экспедиция (1956–1958гг.). Она проводила съёмочные работы по изучению инж.-геол. условий долины Верхнего Амура и нижнего течения р. Шилки и Аргуни в связи с необходимостью строительства небольших по мощности электростанций, а также регулирования стока р. Амур, систематически угрожавшей катастрофическими наводнениями.

В её составе работали сотрудники многих подразделений Геолфака и других ф-тов МГУ. Уникальность экспе-

диции была во всём: в большой удалённости от Москвы (паровоз целую неделю через всю страну тащил поезд и наш молодёжный вагон); в огромном разнообразии, как в геологическом музее, горных пород; в работе по обе стороны государственной границы СССР -- Китай, с участием китайских геологов (в качестве стажёров), студентов и рабочих; в красоте природы, хотя она часто была достаточно грозной (вода в Амуре поднималась быстро иногда на 8–12 м); с необыкновенными, просто рериховскими закатами; по энтузиазму, с которым мы жили и работали; тяжелейшими, нередко многодневными маршрутами, особенно по промороженным, непролазным, заросшим багульником китайским водоразделам с тучами комаров.

На этом фоне мне особенно запомнилась одна необычная многодневка, для подготовки которой была проделана большая предварительная работа. В нашей партии, начальником которой был А.И. Пряхин, проходила практику учившаяся на кафедре китайская студентка У-Сяо-Линь. Мне с ней пришлось однажды выполнять дипломатическую миссию. Она в роли переводчика, а я как бы в роли дипломата. Нужно было договориться в китайской деревне об аренде на несколько дней лошади с телегой для многодневного маршрута – очень уж удачно в глубине китайской территории шла дорога параллельно Амуре и можно было маршрутами покрыть большую площадь. Ну и, конечно, в аренду без денег, потому что валюты у нас не было.

Собирали меня на переговоры всей партией, потому что Александр Иванович считал, что дипломаты должны прилично выглядеть. А я оборвалась в маршрутах – сатиновые шаровары, которые в те времена были единственной и универсальной полевой униформой, уже носила задом наперёд (последняя стадия).

В общем, мы с У-Сяо-Линь миссию свою выполнили блестяще – добыли не только коней, телегу, но и возницу. Эта многодневка после отработки всех маршрутов закончилась в большом китайском посёлке на берегу Амура.

Поставили палатки, развели костёр. Китайцы-рабочие стали варить обед. Всё это время 2–3 китайских жителя стояли поодаль и наблюдали. Одни уходили, другие приходили. Как перевели нам рабочие – их удивляло, как много еды мы готовим – первое, второе и третье (кастрюля киселя). Ни один не принял приглашения поужинать с нами.

Вечером пришла делегация китайцев и пригласила нас в кино смотреть фильм о «каком-то русском генерале». Все возможные фамилии мы перебрали, но не отгадали, о ком речь. Когда начался фильм – оказалось «Чапаев». Было довольно забавно слушать, как Чапаев и его окружение лопочет по-китайски. Ещё интереснее было наблюдать реакцию китайцев: когда Чапаев побеждал – все вскакивали, выбрасывали руку вверх и что-то приветственное кричали. Мы, как уважаемые гости, одни сидели наверху на балконе.

Во время сеанса к нам всё время поднимались русские женщины, которые когда-то вышли замуж за китайских лавочников, живших и торговавших на нашей территории. После революции, когда стали закрывать границу, они перебрались вместе с мужьями в Китай. Женщины жаловались на тяжёлую жизнь: работают от зари до зари в коммуне, кормят один раз в день, бесплатно лечат только «новые» болезни. О том, что китайский народ бедствует, мы могли судить по пустым магазинам.

Интересно, что в питании китайцев большое место занимали грибы, но не привычные нам, а растущие на деревьях. Нам довелось попробовать три вида таких грибов, приготовленных китайскими рабочими. Они были вполне съедобны, даже вкусны, но росли только на китайской территории. Нас удивляло, что наши подосиновики и подберёзовики, растущие даже вдоль тропинок, китайцы не собирали.

Китайцы к нам относились очень дружелюбно, но были и недоразумения. Границу охраняли только наши пограничники. У китайцев же всё было рассчитано на бдительность населения. А наши разрешительные документы

на работу на их территории были составлены только на русском языке. Поэтому нас с В.М. Ладыгиным подвергли аресту, когда мы в многодневке сплавились на двух резиновых лодках по правобережному притоку Амура – Хумаэрхэ.

Мы обычно ставили базовый лагерь и делали маршруты вглубь по обоим берегам реки. Однажды после сильного ливня вернулись раньше, переправились к своим палаткам. Через некоторое время нас окружили китайцы. Наши документы повертели, повертели, но ничего не поняли. Пригласили пройти с собой. Оказались лесоустроители – человек 15. Многие несли тяжёлые тюки, привязанные к концам палки, как вёдра к коромыслу.

Поставили нас в середину своей колонны -- взгляды суровые -- и повели по тропе (на нас последняя сухая одежда и мокрая трава по колено). По карте – самое близкое, что было – развалины, километрах в двух. К ним и пришли. Там оказался переводчик. Хотя наши документы он держал вверх ногами и объяснялся междометиями, но, тем не менее, что-то объяснил китайцам. Их как подменили, заулыбались, накормили нас лапшой, одарили карандашами с драконами, проводили до реки, помахали ручками.

Но мы с В.М.Ладыгиным сделали соответствующие выводы. И когда в конце следующего дня увидели, что нас упорно догоняет огромная многовёсельная лодка, мы на своих лодочках шмыгнули в протоку между островом и берегом. Решили встать лагерем, довольные, что мы обманули китайцев. Но через некоторое время увидели приближающуюся с другого конца фигуру, закутанную в плащ. Выяснилось, что они просто хотели предложить нам переводчика, чтобы больше не было недоразумений.

В это же самое время были арестованы в маршруте Т.О.Фёдоров и Р.А.Подрабинек. Они были ещё дальше в глубине китайской территории. Как рассказывал Т.О.Федоров, к ним приставили двух вооружённых китайцев. Причём один держался всё время на расстоянии около

50 м сзади. Так они препроводили их до берега Хумаэрхэ, до того места, где мы, по предварительной договорённости, спрятали для них резиновую лодку. И помахали им на прощанье рукой.

Много было других забавных и трагикомических случаев, но этот трёхлетний период работы, несмотря на все трудности, у каждого участника Амурской экспедиции оставил самые светлые воспоминания.

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

Теперь, когда всем нам уже более 70, с высоты прожитого мы явственней, чем тогда, видим в чередё лет своей жизни меру значительности отдельных её моментов, степень их важности. Эти важные для нашей жизни события часто совпадают и отражают особенности исторического развития страны. Они определяют качество времени, его отличительные особенности. Будучи характерными чертами истории нашей Родины, эти события и явления прокатились по нашим судьбам, так или иначе отразились в них, подчинили их себе и дали осознать себя частью своего народа, а собственную жизнь слагаемым истории страны. Мы, как каждый человек страны, творили её историю – каждый, как мог в свою меру.

Историки обобщат и скажут о всех временах своё профессиональное слово, а мы прожили и прочувствовали то, что выпало на нашу долю, поэтому имеем собственное частное мнение.